

НАДЕЖДА ЧЕРТВИНСКАЯ

ПТАШКА
ДЛЯ СОКОЛА
или *Солнце души моей*

Надежда Черпинская Пташка для Сокола, или Солнце души моей

<https://litres.ru/74205988>

Аннотация

Он её купил. Купил себе на беду. Она обжигает как знойное летнее солнце. Она, словно пламя ночного костра, способна согреть душу или обратить сердце в горький пепел. Глаза её – небо над бескрайней Степью. А голос чудеснее соловьиной песни. И не бывает губ желаннее и слаще... Дикая Пташка, которую так трудно приручить, ведь птицы не поют в неволе. Но самое опасное, что рядом с ней, Сокол, давно привыкший к золотой клетке хозяина, сам всё чаще мечтает умчаться туда, где лишь ветер и облака. Чем же придётся заплатить за манящую свободу?

ОДНОТОМНИК

!Без насилия, принуждения и измен между главными героями!

!!! Без использования ИИ !!!

Содержание

1	4
2	13
3	19
4	25
5	31
6	37
7	45
8	51
9	58
10	64
11	70
12	75
13	83
14	89
15	96
16	102
17	109
18	115
19	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Когда он увидел её впервые – его ослепило.

Знойное южное солнце хлёстко ударило по глазам золотым лезвием, и Шункар невольно зажмурился.

Обычно он не позволял себе такой слабости. Ведь даже миг слепоты в окружении чужих людей мог стоить жизни. А сейчас, в людском *море*, на самом большом рынке Анкачи, посторонних хватало с лихвой.

Но с солнцем сложно спорить.

И вот он на мгновение прикрыл веки, а когда снова распахнул глаза – увидел её...

Шункар помнил тот день в мельчайших деталях. День, с которого всё началось.

И не раз потом задавался вопросом: «А как бы сложилась его судьба, не согласись он в то утро пойти на невольничий рынок с Рашадом?»

Во всём огромном Анкачи не нашлось бы другого места, столь же ненавистного Шункару, как это. И добровольно он ни за что не вступил бы на эту шумную, многолюдную пыльную площадь, раскалённую от зноя, пропахшую потом и горя-

зью.

Но Рашад был его другом. Эту искреннюю привязанность не могло испортить даже то, что Рашад родился сыном бая[1], в то время как сам Шункар всего лишь служил ратником при дворе хана.

Пусть он был самым лучшим из воинов повелителя, пусть его прозвище знал каждый в Анкачи, пусть называли его зачастую: «Господин Шункар», но всё же.

Итак, Рашад умолял не бросать его одного, и пришлось согласиться.

– Ну, прости, Шункар! – в очередной раз завёл свою песню приятель, покосившись на его угрюмое лицо. – Знаю, тебе тошно от всего этого. Поверь, мне тоже! Но отец попросил купить нового садовника, а я не мог отказать отцу. Ты же знаешь, с каким почтением я к нему отношусь. Обещаю, мы здесь ненадолго. Возьмём первого же попавшегося мальчишку, и прочь отсюда, прочь...

Рашад брезгливо поморщился, обходя подальше двух сидящих прямо на земле косматых, грязных женщин. На обеих были рабские ошейники и цепи, но, чтобы понять, кто они такие, достаточно было посмотреть в полные безысходности глаза.

– А чем твоему отцу не угодил старый Джальбек? – спросил Шункар, чтобы отвлечься хоть как-то.

Судьба добродушного пожилого раба его действительно волновала. Старик часто встречал его у ворот, был привет-

лив и учтив, улыбался от души, а порой рассказывал что-то интересное.

– Джальбек... – Рашад улыбнулся, – Джальбек всем угодил. И лучше него за матушкиными розами никто ухаживать не умеет, но он не молодеет, увы. Целый день на жаре работать очень тяжело, хоть он и не показывает вида. Пусть уже дремлет себе в тени, а сад поручит кому-то молодому и шустрому.

– Но... он ведь останется доживать свой срок в вашем доме? – на всякий случай уточнил Шункар.

– Разумеется, друг мой! Ты же знаешь моего отца – бай Эхмет не выбрасывает старых рабов на улицу, как некоторые. Как можно обрекать на голодную смерть того, кто всю жизнь служил тебе?! – возмутился Рашад.

И Шункар с улыбкой хлопнул его по плечу и искренне похвалил:

– Твой отец воспитал достойного наследника.

– О, глянь-ка, вон тот юноша, кажется, довольно крепким и здоровым... Пойдём ближе! – Рашад мотнул головой, призывая за собой.

Друг, как и обещал, старался поскорее закончить с этим неприятным им обоим делом.

Рабство в Неукротимой Степи было явлением привычным и обыденным. Ханства воевали между собой, да и соседей нередко притесняли: чаще всего северян – Сазарию, Зкифу, но и на запад, в Велларию, порой ходили. Пленни-

ков, добытых в таких походах, везли на рынки, на них всегда был спрос.

Но одно дело – просто знать об этом, видеть, как рабы прислуживают у тебя в доме и во дворце хана, где они сыты, хорошо одеты, чисты, здоровы, и совсем другое – наблюдать за этим на рынке, куда людей пригоняют как скот.

Вот сейчас, не особо торгуясь, Рашад купил рослого смуглого зкифа лет восемнадцати за шестьдесят серебряных дирхемов.

Столько мог стоять хороший жеребец, а тут... человек. Но так уж повелось – лошади в Степи зачастую ценились дороже рабов.

Пора было забирать мальчишку, который теперь будет работать в доме бая Эхмета, и поскорее выбираться с этой проклятой площади.

И тут-то яркий луч на миг ослепил Шункара, до боли обжёг глаза.

А когда он снова обрёл способность видеть, разглядел, что нестерпимо-жгучие блики отразились от обычного рабского ошейника. Солнце и сейчас горело на его сверкающей поверхности так, что казалось – это не оковы, а золотое ожерелье украшает изящную шею...

А потом взгляд скользнул дальше... по тонким ключицам, высокой груди, плечам, бледному лицу...

В конце концов, Шункар наткнулся на горящие неистовым голубым пламенем глаза, яркие и прозрачные, как два

чистейших топаза.

И Шункар вмиг позабыл про Рашада и его нового садовника, всё его внимание теперь было приковано к незнакомке, обжигавшей даже на расстоянии в несколько шагов, как павшее на землю солнце.

Светлые глаза на юге – явление редкое. И ценное.

Невольница явно родом не из Степи. На веллу похожа.

Невысокая, хрупкая, тонкококстная. Будто не живая женщина, а пери[2] из сказки.

Косы толстые, богатые, тёмные, но не такие смоляные, как у дочерей юга.

А вот кожа светлая и прозрачная, как дорогой фарфор. Хитрый торговец недаром держит эту рабыню в тени, боится испортить такую красоту.

И глаза... эти огромные небесные глаза...

Ну, точно, точно она из Велл^арии!

Сердце сдавило арканом[3] боли, но он привычно отмахнулся от этой полузабытой тоски.

Ещё миг назад Шункар хотел уйти поскорее, но теперь приостановился – взгляд против воли тянулся туда, где у стены стояла незнакомка. Стояла, гордо вскинув подбородок, совсем не так, как положено смиренной рабыне.

Он разглядывал её, подмечая все мелочи, и непроизвольно прислушивался к разговору её хозяина и упитанного бородатого бая, топтавшегося рядом.

– Э-э-э, уважаемый... Столько просишь, так хоть покажи товар! Я хочу видеть, за что плачу такие большие деньги. Может, она крива и уродлива... Сними с неё этот мешок!

– Обижаешь, уважаемый! Ты же сам видишь, дева юна и прекрасна, как бутон розы. Она стоит в два раза больше. Я уступаю лишь из уважения к тебе...

– Уважения... Если в самом деле уважаешь, дай посмотреть на неё!

– Хорошо... – раздражённо фыркнул работорговец. – Плати два дирхема, и покажу!

– Это ещё за что? – возмутился толстяк.

– А вдруг ты только поглазеть пришёл, а покупать не станешь!

– Ты что сомневаешься, что я могу заплатить?! – возмутился тучный бай.

– Нет, что ты, уважаемый! – заискивающе улыбнулся торговец. – Но без платы, ничего не покажу.

– Будь по-твоему, шайтан[4]! – зло бросил толстяк, и швырнул монеты торговцу.

Хозяин подобрал дирхемы, расплылся в довольной улыбке и шагнул к девице.

Рабыня настороженно отпрянула, затравленно переводя взгляд с одного на другого – видно, плохо понимала степное наречие и не знала, чего ждать.

Торговец, не обращая внимания на её испуг, грубо толкнул девицу к толстяку. И тотчас принялся сдирать с неволь-

ницы мешковатое бесцветное одеяние, грязное от дорожной пыли. Старая ткань затрещала, сползая с белого плеча...

От этого звука Шункар дёрнулся всем телом. И уже сделал шаг в ту сторону...

Но тут же опешил.

В девчонку словно шайтан вселился. Её тонкие запястья были связаны, но это не спасло ни плешивого хозяина, ни толстого бая. Велла зашипела, взвыла, забилась, уворачиваясь от их жадных лап, не позволяя окончательно сорвать с неё облезлую тряпку. При этом ещё и умудрилась расцарапать обоим рожи до крови.

Шункар смотрел на это со странным злорадством. Он и сам бы с удовольствием добавил пару тумачков этим мерзким шакалам. Но по закону не имел права вмешиваться: рабыня – собственность её хозяина, и тот вправе распоряжаться ею, как захочет.

Изодранный и униженный торговец в бешенстве отшвырнул непокорную к стене.

А незадачливый покупатель, ругаясь последними словами, заявил:

– Это не девка, а бешеная асха! Сам умирай свою дикарку! Я такую и даром не возьму.

И толстый бай поплёлся прочь, осыпая свой путь проклятиями и размазывая кровь по лоснящемуся от пота лицу. Шункар проводил его насмешливым взглядом.

Народ, привлечённый шумом, уже потерял интерес к про-

исшествию и стал расходиться. Но, оказалось, что это был ещё не конец.

Взбешённый хозяин рабыни накинудся на едва поднявшуюся с земли девчонку, как коршун.

– Ах ты, мерзавка, тварь проклятая! Да сколько я с тобой мучиться буду?! Думал, продам тебя змеюку, а ты опять! Ну, сейчас я из тебя всю дерзость выбью, дикарка!

Чёрная, как гадюка, плеть взвизгнула, рассекая солнечные лучи, и впиалась в белое тело. Невольница вскрикнула раненой птицей. Упала на землю, сжалась, обхватив себя руками, пытаясь спрятать лицо. Но плеть жалила без всякого снисхождения, алыми ядовитыми росчерками обжигая худенькие плечи и гладкую спину.

– Вот шакал паршивый! – прорычал Шункар, срываясь с места.

– Шункар, не надо, не лезь! – запоздало долетело в спину. Это Рашад ещё надеялся призвать друга к благоразумию, но было слишком поздно.

Шункар метнулся ловчим соколом сквозь расступившуюся толпу и до хруста вцепился в занесённую для очередного удара руку.

[1] Богач, знатный человек, уважаемый господин

[2] Волшебные красавицы, мифические существа, наиболее близкое понятие – феи.

[3] Верёвка со скользящей петлёй на конце, используется для ловли скота.

[4] Злой дух, чёрт

Приглашаю в колоритный авторский мир, где удивительным образом смешались отголоски Монгольской степи, Центральной Азии, Тюрского каганата и Арабского Востока.

Как всегда – море разнообразных эмоций.

Путь героев не будет лёгким, но хеппи-энд обещаю.

Впрочем, пусть лучше история говорит сама за себя)

Добро пожаловать!

! Без насилия, принуждения и измен между главными героями!

Торговец взвыл от боли, задёргался беспомощно, но разве смог бы он вырваться из стальных тисков Шункара.

Желание раздробить кости мерзавцу или вовсе свернуть шею было непреодолимым, и если бы не Рашад, повисший в этот миг на плечах друга, всё наверняка закончилось бы убийством. И, скорее всего, даже хан Темира~~н~~ не помиловал бы своего верного стража, а наказал за самоуправство.

Шункар отшвырнул торговца, и тот упал на землю рядом с рабыней.

А девчонка, сжавшись в комочек, дрожа всем телом, с одинаковым ужасом взидала и на своего обидчика, и на своего спасителя. По щекам её беззвучно катились слёзы.

Лучше бы он не видел этих слёз и рассечённой плетью кожи... Желание раздавить обидевшего её подлеца накрыло с ещё большей силой.

– Ты что творишь, выродок? – зарычал Шункар, пытаясь взять себя в руки. – Ты же убьёшь её!

Торговец, кряхтя и постанывая, кое-как поднялся, глянул волком. Вокруг собирались любопытные ротозеи, и шакал сразу осмелел.

– А тебе-то что за дело? Девка – моя. Я её проучить хотел. Эта дрянь совсем страха не ведаёт, на уважаемого человека напала. Позор на мою голову! Где это видано, чтобы рабыня

смела на господ кидаться, на хозяина руку поднимать? Дикарка безумная! Верно тот бай сказал – асха бешеная. Вот только и остаётся, плетью её учить, дурь выбивать. А иначе никогда я её не продам...

Как Шункар удержался и не бросился снова в драку, ведает только Отец-Небо.

Скрипнув зубами, он заговорил уже спокойнее, обволакивая вязью слов, внушая то, что было нужно ему. Пусть сам Шункар так не думал, но эту сволочь бесполезно призывать к совести и милосердию, такие знают лишь одно слово – *выгода*.

– А если насмерть засечёшь?! Умрёт – вовсе ничего не получишь.

– Не умрёт. Велла... – скривился насмешливо торговец.
– А они живучие...

Живучие. Это точно. Сильные. Всем врагам назло выживают.

Кулаки Шункара вновь сжались, но, шумно вздохнув, он всё-таки продолжил увещевания:

– Пусть не умрёт... Но шрамы точно останутся. Такая красивая невольница, – цокнул языком Шункар, – да её к самому хану в гарем продать можно! А ты эту красоту сейчас испортишь. Зачем так неосмотрительно делаешь? Уродливую рабыню только за бесценок в поле работать кто-нибудь заберёт...

– Да её и так никто не купит! – с досадой выкрикнул хо-

зьяин девчонки, обвиняюще ткнув в её сторону пальцем. – Кормлю только задаром. Уже сколько желающих до этой красоты находилось, а как увидят, что строптива и дика, так и не берут. Всех остальных уже распродал, а эта... Будто проклял кто. Мне её убить проще. Никто её не купит! Ух, мерзавка, так бы и пришиб! – торговец снова замахнулся, велла вскинула руку, закрываясь от плети.

– Не смей! – рявкнул Шункар.

Он вырос прямо перед торговцем, отпихнул его прочь. Хозяин девицы покраснел, фыркнул спесиво и даже успел открыть рот.

Но Шункар его опередил:

– Я куплю.

– Что? – крикнул изумлённо работорговец.

– Что? – эхом охнул откуда-то сбоку Рашад.

– Сколько ты за неё хочешь? – надменно процедил Шункар. – Я покупаю эту женщину.

Торговец растерянно хлопал глазами, кажется, не мог поверить в собственное счастье.

– Сколько? – твёрдо повторил Шункар.

Выражение лица мужичонки изменилось, алчный блеск разгорелся в глазах, лукавая улыбка скользнула по губам.

– Три сотни дирхемов, уважаемый, – бросил он, и глазом не моргнув.

Вот же наглец, вот шакал ненасытный! Да за такие деньги можно целый гарем купить!

Даже Рашад, сын бая, привыкший к роскоши и достатку, охнул потрясённо.

А Шункар прорычал:

– Ты из ума выжил от радости, или как?! У этой девки что, кости из чистого золота? Да лучшие наложницы хана не стоят больше сотни!

– Сам сказал, уважаемый – такую и к хану в гарем не стыдно привести, – усмехнулся бессовестный торговец.

Да, Шункар уже понял, что допустил большую ошибку – на рынке никогда нельзя показывать, что товар тебе очень нужен или сильно понравился, нечестные торговцы тотчас поднимут цену в пять раз. Он позволил себе слишком много горячности, вступившись за девчонку, теперь этот мерзавец возомнил себя хозяином положения – знает, что Шункар без рабыни не уйдет, последнее отдаст.

Но триста дирхемов – это грабеж!

Словно подтверждая его мысли, Рашад коснулся плеча друга:

– Шункар, оставь! Триста монет серебром! Это неслыханно. Да тебе за три луны службы столько не платят. Зачем она тебе? Брось! Пойдём!

– Шункар, сам Шункар? – изумлённо вскинул брови торговец. – Так ты тот самый Сокол, Белый Кречет хана Темира? Прости, господин, не узнал! Я редкий гость в Анкачи... Что ж, только из уважения к твоим подвигам, забирай девку за двести восемьдесят дирхемов!

– Не больше сотни! – покачал головой Шункар.

– Э, нет, не годится... Тогда уж лучше я продам её в дом для утех... Там её быстро научат покорности. Поднимайся, дикая! – торговец дернул девчонку за густую косу, вынуждая встать.

Она вырвалась, отскочила, готовая снова сражаться за себя, как степная кошка – асха.

Повинуясь странному порыву души, Шункар вдруг негромко сказал по-велларски:

– Не бойся! Он больше тебя не тронет. Обещаю.

Её огромные глаза распахнулись ещё шире, смотрели недоверчиво, изумлённо, пугливо. Светлый взгляд пробежался по рослой фигуре ратника с головы до ног и обратно. Она всмотрелась в его лицо, глаза...

И вдруг ахнула коротко, наконец-то сопоставив что-то в своей голове.

– Даю сто пятьдесят, и не дирхемом больше! – отрезал Шункар теперь уже по-акшарски, снова обращаясь к торговцу.

– Двести пятьдесят!

– Нет!

– Тогда прощайся с девкой! Где тут у вас ближайший... – проклятый торговец подтолкнул девицу в спину, словно собираясь уйти.

– Двести! Даю двести! – схватил его за плечо Шункар. – А иначе... заберу её вовсе без платы... именем хана! Для

служения в ханском дворце... Ты ведь не посмеешь отказать в подарке нашему хану?

Шункар кривил душой – у него не было таких прав, да и отнять рабыню (читай – имущество торговца) можно было лишь за нарушение закона, а хитрец ничего такого не сделал. Но с лукавыми и бесстыдными приходится сражаться их оружием.

Взгляды схлестнулись, как клинки. Несколько мгновений Шункар и торговец сверлили друг друга недобрыми взорами.

– По рукам! Отдаю за двести, – победоносно кивнул торговец.

И Шункар вздохнул с облегчением, плечи расправил, словно только что выиграл тяжёлый бой.

– Шункар! Ты с ума сошёл! Где ты столько возьмёшь? – зашипел ему на ухо Рашад.

– Ты же мне дашь в долг? Не откажешь? – виновато улыбнулся Сокол другу. – Я тебе сегодня же всё верну, клянусь. У меня есть, накопил. Просто не хочу, чтобы *этот* за нами тащился до самого дома, дабы плату забрать...

Рашад угрюмо вздохнул и молча полез в кошель за серебром.

Глядя, как торговец тщательно пересчитывал монеты, невольница, кажется, начинала понимать, что произошло. Но от этого страх и растерянность ещё отчётливее проступили на её лице. Наверняка она тоже понимала, что просто так столько денег не дают, и теперь гадала, на какую же страшную участь обрёл её хозяин.

– Я тебя купил. Ты пойдёшь со мной, – снова обратился Шункар по-велларски, желая успокоить ничего не понимавшую девчонку.

Но вышло только хуже...

Взгляд веллы так и кричал: «Почему так много? Что ты задумал сделать со мной?»

А когда он достал кинжал из ножен и шагнул к ней, девица попыталась отпрыгнуть к стене.

– Тише! – велел Шункар, удержав её руки и намереваясь разрезать путы.

– Я бы не стал! – предостерёг довольный сделкой торговец. – Ты же видел, господин Шункар, она злобная и дикая...

Шункар поймал небесно-голубой взгляд – свирепый и полный ненависти, помедлил задумчиво, но глаз не отвёл.

А потом опять заговорил по-велларски – спокойно, уверенно, твёрдо:

– Послушай! Я тебя забираю. Больше тебя никто бить не

будет. Обещаю, что не подниму на тебя руку, не сделаю ничего дурного. Но и тебя прошу – води себя как женщина, достойная уважения, а не как дикий зверь! Обещаешь?

– Обещаю, – девица вскинула голову с вызовом, – если и ты будешь вести себя как мужчина, достойный уважения!

А голос у неё оказался ещё красивее, чем её небесные очи, гибкий стан и бархатная кожа – нежный, чарующий, серебряный, как звонкий колокольчик. Такие обереги подвешивают над дверью в далёкой Велларии, чтобы не впустить в дом злых духов.

Её голос отозвался сладкой дрожью где-то внутри, заставляя сердце стучать быстрее.

Тут ещё взгляд невольно зацепился за обнажённое плечо и почти выскользнувшее из растерзанного балахона молочно-белое полушарие. Упругая юная грудь вздымалась от взволнованного дыхания – одно резкое движение, и окажется у всех на виду.

Нестерпимо захотелось вернуть обратно рваное платье, завернуть её в покрывало, спрятать, укрыть от чужих алчных глаз.

А ещё острее хотелось дотронуться, коснуться её нежной кожи, скользнуть пальцами по...

Ну и, чем ты лучше, Шункар? Разве в твоих глазах меньше похоти, чем у всех этих, что глазели сейчас со стороны?

Сокол тряхнул головой, отгоняя наваждение. Снова посмотрел на рабыню.

Невольно усмехнулся, глядя на своё приобретение. Такая маленькая, хрупкая, как крохотная пташка – ненароком раздавить можно, причём одной рукой.

Она сейчас полностью в его власти, и знает это. Но не боится или... делает вид, что не боится. По крайней мере, не даёт страхам вырваться из души наружу, отразиться на лице, в глазах.

– Договорились! – кивнул с улыбкой Шункар. – А теперь я освобожу твои руки...

– Что на тебя нашло, друг? – возмущенно бормотал Рашад, пока они выбирались с рынка. – Ты же никогда не держал в доме наложниц. Обходился служанками во дворце. Да ещё столько денег за неё отдал! Никак солнце тебе сегодня голову напекло...

Солнце... Да. Ослепило, голову напекло, разума лишило...

Шункар покосился на рабыню, угрюмо плетущуюся рядом с новым садовником бая Эхмета. Мальчишка-зкиф, вроде, и глаз поднять не смел, но на красавицу умудрялся поглядывать. И Шункар снова поймал себя на глупом желании втиснуться между ними и спрятать девчонку за своей широкой спиной.

Нет, так дело не пойдёт! Что это наваждение? Может, она, в самом деле, не человек, а волшебница-пери. Или вовсе... шайтан-искуситель.

Шункар пытался думать о чём-то ещё. Но мысли снова упрямо соскакивали на неё. Нужно срочно раздобыть какой-то платок или покрывало... Разорванное платье того и гляди с неё свалится.

– Зачем ты её купил? – снова посетовал Рашад.

Да уж, хороший вопрос, очень хороший.

– Кто-то должен был... – пожал плечами Шункар, их с другом взгляды пересеклись на миг, и оба расхохотались.

Рашад только рукой махнул. Мол, что с тебя чудака взять!

– Отцу скажи – деньги я сегодня же вечером принесу, – поспешно добавил Сокол, чувствуя себя очень неловко из-за того, что пришлось брать в долг.

– Перестань! В нашем доме в твоей честности никто не сомневается... Можешь не спешить так!

– Э, нет, я же спать не смогу спокойно! – покачал головой Шункар, и они снова рассмеялись.

Девушка метнула в их сторону злой настороженный взгляд. Неужто подумала, что они над ней потешаются?

Она чуть обогнала Шункара...

Взгляд скользнул по её истерзанной плетью спине, и смех сразу угас. Сокол сжал зубы до хруста. Этому поганцу с рынка следовало шею свернуть, а не двести дирхемов платить. Как подлый шакал эту бедную птишку не убил, только Отец-Небо ведает.

Багровые рубцы на белой коже должны были ныть и гореть нестерпимо, но девчонка даже не пискнула жалобно за

всё это время.

Ничего... Эти ссадины заживут. Главное, что новых больше не появится.

Словно уловив мрачные мысли друга, Рашад тоже согнал с лица улыбку, а ещё через миг спросил угрюмо:

– Ты купил её, потому что она велла?

Шункар ответил не сразу.

– Я её купил, потому что... Купил, и всё, – вздохнул, помолчал и лишь потом снова повторил: – Кто-то же должен был...

Они наконец-то выбрались с площади, где продавали рабов, и шли теперь по обычным торговым рядам – и даже дышать сразу стало как-то легче.

Рынок галдел и шумел, как большая птичья стая.

Сейчас это сравнение было особенно уместно, ведь они шли в той части, где продавали домашний скот, а ещё зверье и пернатых, привезённых из далёких стран. Состоятельные акшарцы любили держать в доме что-то необычное – этакое чудо, которым можно удивить гостей. Но пока эти диковинки не нашли своих владельцев и пищали, рычали, шипели, звенели на разные голоса из всевозможных клеток.

Взгляд мимолётно зацепился за торговца, который прямо тут, в лавке, подрезал крылья одной из своих пленниц с ярким сине-зелёным оперением. Птица вырывалась и отчаянно пищала, но её хозяин быстро и привычно делал своё дело.

Шункар глядел по сторонам и отрешённо думал, что весь

огромный Анкачи похож на вот такой базар... Все суетятся, хлопочут, что-то продают, что-то покупают, спешат жить в своё удовольствие, кто-то едва сводит концы с концами, у кого-то кошельки туго набиты серебром, но каждый думает лишь о своей жизни, о своей выгоде...

И никто даже не замечает, как где-то, совсем рядом с ними, калечат хрупкие крылья маленькой птички.

Взгляд против воли опять потянулся к купленной невольнице.

Девушка зыркнула в ответ исподлобья, опалила ледяным синим пламенем, поёжившись, подтянула повыше обрывки своего балахона, стиснула маленький кулачок на груди, удерживая сползавшую грязную ткань.

Шункар отвёл взгляд и в очередной раз тяжело вздохнул.

«Всё-таки боится...»

Наконец, ряды с живым товаром закончились, начались лавки пряностей, орехов, сладостей и фруктов. Но Шункар свернул торопливо левее, туда, где продавали наряды и обувь.

У первой же лавки приостановился, бегло окинул взглядом разноцветные ткани, красовавшиеся на стенах, и с растерянностью понял, что ничего не смыслит в этих тряпках.

– Доброго дня вам, уважаемые! Да благословит... – приостановившись, завёл было свою песню торговец.

– И тебе доброго дня, уважаемый! – невежливо перебил Шункар. – Дай нам какое-нибудь покрывало!

– Покрывало? – улыбнулся торговец, вскинув тёмные брови.

– Ну да... Вот, женщине... накинуть... – он мотнул головой на рабыню.

– Шёлк, хлопок, шерсть... Нарядное или...

– Ох, шайтан! – закатил глаза Шункар, теряя терпение. – Да любую тряпку прикрыться дай!

Вымещать накопившуюся злость на этом незнакомом человеке не стоило. Он ведь не виноват, что день у Сокола не задался. Но попробуй тут удержись.

Торговец чуть отпрянул, теперь уже внимательнее оглядел веллу и наконец сообразил, что это всего лишь рабыня, и ей

вряд ли стоит предлагать что-то изысканное и дорогое.

И всё-таки хитрец своей выгоды не упустил. Он тотчас с улыбкой подал тонкое синее полотно, украшенное по краю вышивкой. Явно это было не самое дешёвое покрывало в его лавке. Но Шункар заплатил, даже не торгуясь, лишь бы скорее покончить с этим.

Отойдя несколько шагов от лавки, он распахнул шелковистый синий отрез – тот затрепетал на ветру, как морская гладь.

Приблизившись, Шункар набросил лёгкую ткань на плечи рабыни, покрывая заодно и голову. В это мгновение он оказался так близко к ней, что ощутил её сбившееся дыхание.

Щеки девицы запылали, как маки в степи, когда он мимоходом коснулся её оголенного плеча. Велла дёрнулась, отступая на шаг, ткань прилегла к спине слишком плотно...

И она впервые издала короткий стон, зашипела, втягивая воздух сквозь стиснутые зубы.

Шункар отдёрнул руки, страшась причинить новую боль, сглотнул и, дождавшись, пока она затихла, и страдальческая гримаса сошла с её лица, велел:

– Поправь сама! Я неловкий. Мои руки больше к оружию привыкли...

Она осторожно разгладила покрывало, при этом всё время пугливо поглядывала на Шункара, словно ждала какого-то подвоха или удара. И лишь когда васильковый шёлк окутал всё её тело, будто морские волны, судорожно вздохнула и

чуть расправила плечи.

В этом покрывале она уже не казалась такой несчастной, истерзанной и хрупкой.

Торговец, в отличие от Шункара, точно знал толк в женских нарядах. Этот сапфирно-синий цвет сделал и без того красивые глаза невольницы ослепительно-яркими. И ей самой неожиданно придал стати.

– Благодарю! – тихо сказала она и опустила голову, смутившись его долгого прямого взгляда.

– Красиво... – не удержался Шункар.

Хотелось сказать что-то ещё, но красноречие никогда не было его сильной стороной.

Тут ещё Рашад окликнул, поторапливая. И они двинулись дальше.

Вскоре рынок остался позади, и теперь их дороги должны были разойтись.

Шункар попрощался с Рашадом, ещё раз поблагодарил и пообещал навестить вечером и принести долг.

Проводив друга взглядом, Шункар покосился на свою неожиданную покупку и призывно махнул рукой.

Теперь, оставшись один на один, он чувствовал себя ещё более неловко. Тишина давила. Нужно было что-то спросить или объяснить.

Но в голову, как назло, ничего умного не приходило.

И тут неожиданно заговорила она...

– Ты меня к хану ведешь? – рабыня даже приостановилась, тревожно поглядывая на величественные каменные своды, возвышавшиеся над всем Анкачи. – Это ведь ханский дворец?

– Я веду тебя к себе домой, – покосившись на неё, усмехнулся Шункар.

– Ты живешь во дворце? – удивлённо уточнила она, так и не сдвинувшись с места.

– Ханский дворец огромный, – терпеливо разъяснил Сокол. – Это не только то место, где живёт хан Темиран. Это целый город внутри столицы – Малый Анкачи. Здесь дома родичей хана, советников, его телохранителей, слуг, гарем, а ещё конюшни, мастерские, кладовые... И много ещё всякого. Я живу в одном из таких домов за этой стеной. Сюда пускают только тех, кто служит у хана. А там, дальше, есть ещё одна стена, вокруг дворца... Вот там и живёт сам хан. Туда попасть намного сложнее. Тебе там делать нечего. А вот я могу войти и туда.

– Значит, ты служишь хану? – обдумав его речь, вскинула голову девчонка, добавила зло, язвительно, колко: – Верный пёс Господина Степей...

Шункар не обиделся бы на это сравнение, но вот в её голосе прозвучало что-то такое...

Захотелось ответить так же ядовито:

– Лучше быть верным псом при хорошем хозяине, чем избитой дикой кошкой при плохом.

Она фыркнула точь-в-точь как та самая асха, но больше ничего не добавила.

Шункар посмотрел на плетущуюся рядом девчонку, и ему стало совестно за свою грубость. Она, конечно, жалит как оса, но, видно же, это не от злобности нрава, а от страха и уязвимости.

Он – мужчина. Он старше, сильнее, мудрее. Ему следует держать себя в руках.

– Как тебя зовут? – спросил он, чтобы сгладить неприятный момент.

Но девчонка опять вспылила, словно испытывая его терпение:

– Не всё ли равно? Разве рабыне положено иметь имя?

– Если спрашиваю, значит, хочу знать, как тебя зовут.

– Ты меня купил, и вправе теперь называть, как тебе вздумается, – пожала она плечами. – А я должна безропотно тебя слушать. Так ведь? Но, если сам придумать не можешь, я подскажу... Обычно меня называют Дикарка, Змея, Гади́на, Мерзавка...

– Ты это нарочно делаешь? – процедил Шункар и вздохнул шумно. – Сердишь меня, нарочно?

– Да, – с вызовом кивнула она. – Всё назло тебе!

Вот же... змея! Эта девица, в самом деле, доведёт любого!

– Назло? Зачем? – оторопело уставился на неё Шункар. – Разве я тебя чем-то обидел? Я лишь спросил, как тебя зовут по-настоящему...

Под его прямым взглядом, она понуро опустила голову.

– Алия, – тихо проронила она. – Меня зовут Алия.

– Алия... Подарок небес... – задумчиво произнёс Сокол и добавил со смешком: – Для подарка ты обошлась мне слишком дорого.

– Так верни обратно! – не растерявшись, выдала она ещё порцию яда.

– Хочешь назад к этому шакалу? – вскинул брови Шункар. Она лишь угрюмо насупилась. – Тогда думай, прежде чем болтать глупости, и перестань уже цеплять меня, как степная колючка!

На это она промолчала. Немного прошли в тишине.

Но уже через несколько мгновений Алия подала голос, опять наполненный желчью язвительности:

– А ты? Как мне называть тебя? Мой господин? Или хозяин? Повелитель? Владыка?

– Шункар, – холодно бросил он. – Зови меня Шункар.

– Это твоё имя? – удивилась она.

– Вроде того... Прозвище.

Она задумалась на пару мгновений и тотчас заговорила снова:

– Я уже слышала это слово. Что оно значит?

– Сокол. Кречет. Акшарцы любят охоту с ловчими птицами. С уважением относятся к крылатым хищникам. Так что... это хорошее прозвище. Сам хан назвал меня так.

– Хан... – зло фыркнула Алия. – Говоришь так, будто это какая-то награда! Может, в глазах степняков это и почётно. Но неужели тебя это радует? Ведь никакой ты не Шункар. У тебя отняли имя, дали прозвище... Будто псу или тому же приручённому соколу. Как можно с таким смириться?

Эта девчонка слишком много себе позволяет. Надо бы сразу указать ей место, прямо сейчас, пока она не решила, что имеет право говорить с ним подобным образом...

Но вместо этого он лишь скрипнул зубами и ответил, будто оправдываясь:

– Это имя не хуже того, что было раньше. Так меня зовут здесь. Я давно привык. Не понимаю, что тебе не нравится?

А она внезапно храбро шагнула ближе, заглянула в лицо, пытливо всматриваясь в глаза, словно саму душу увидеть хотела.

– Думаешь, взял их имя и стал как они? Но ведь ты не один из них! Никакой ты не Шункар! – упрямо повторила Алия. – У тебя глаза светлые, и волосы не такие чёрные, и кожа... Эта смуглость от солнца, ты не родился таким. Я права? Откуда ты знаешь мой язык? Ты веллар? Как тебя звали прежде? Как ты оказался здесь?

– Какая разница? – огрызнулся Сокол в ответ. Ещё не хватало откровенничать с незнакомой девкой! – Я живу в Акшартостане и служу хану Темирану. Зови меня Шункар и перестань задавать глупые вопросы!

– Служишь хану... Как ты так можешь?! – она вспыхнула, как пламя костра под порывом ветра, сжала маленькие кулачки, в небесных глазах алмазами заблестели слёзы. – Степняки сожгли мою деревню. И твою тоже наверняка сожгли... А ты служишь их хану!

– Мою деревню сжёг не этот хан, – устало вздохнул Шункар. – И твою, если уж на то пошло, тоже. В Неукротимой Степи, чтоб ты понимала, множество племён и множество вождей. Хан Темиран никогда не водил своё войско против Веллarii.

– Да все они одинаковые! – гневно выкрикнула она, всё-таки не сдержав слёзы.

– Не суди поспешно! – холодно оборвал её Сокол. – Особенно о том, чего не знаешь. И не кричи на всю улицу! Они, конечно, тебя не понимают, но женщине не пристало так себя вести. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя звали Дикаркой?

Она снова фыркнула спесиво, отворачиваясь и крепче стягивая покрывало на груди.

– Идём домой! Солнце сегодня палит невыносимо...

Она покорно двинулась следом, но тишина не продлилась долго.

– Зачем я тебе? Ты очень много за меня заплатил. Я видела... – теперь она смотрела тревожно, с опаской. – Зачем? Что ты задумал?

– Ты чем-то недовольна? – хмыкнул Шункар.

Она опустила взгляд стыдливо. Надо же! А Сокол уже привычно ждал дерзости и яда.

– Просто... хочу понять... тебя... И... знать, что меня ждёт.

– Лучше подумай, что ждало тебя там, у этого мерзавца! – Шункар тяжело вздохнул. – Он убил бы тебя. Или искалечил. Или отдал в дом для утех. А это ещё хуже. Женщины там... долго не живут.

– Хочешь сказать, что... ты меня пожалел? – недоверчиво вскинула она тёмную бровь. – Столько денег отдал, просто... из жалости?

Шункар усмехнулся невесело и покачал головой.

– Жалеют убогих и слабых. Разве это про тебя? – тихо сказал он. – А я... всего лишь хочу, чтобы ты жила.

Дом встретил сладостной прохладой и привычной тишиной.

Шункар шёл не оглядываясь – чувствовал, что его «подарок небес» идёт следом, хоть и не слышал шагов, так они были легки и невесомы.

Но когда они оказались в тенистом внутреннем дворике, где у прежнего хозяина даже был небольшой сад, а сейчас лишь торчали сухие мёртвые ветки, за спиной его вдруг раздалось разочарованно-скорбно:

– Ох... тут всё засохло! В твоём саду вместо роз одни колючки...

– И теперь их на одну больше, – не удержался Шункар. – Самое место для тебя.

Алия уже ожидаемо фыркнула и сердито поджала губы.

И он снова пожалел о своих словах, добавил зачем-то:

– Некогда мне за садом смотреть... А служанка в доме только одна. Сейчас познакомлю...

Они как раз вошли снова в дом, и Шункар позвал громко: – Зофия!

Тихие шаркающие шаги торопливо приближались.

– Господин Шункар...

Зофия привычно поклонилась, хоть он уже много раз просил её этого не делать. Было совестно, что женщина в два раза старше гнёт перед ним спину. Но пожилая велла упрямо продолжала – боялась, что привыкнет, а потом забудет поклониться при ком-то постороннем.

А уж нынче, когда он пришёл не один, поклон и почтение были обязательны.

– Зофия, принимай гостью! – распорядился Шункар, чуть подтолкнув вперёд купленную рабыню. – Это Алиа. Покажи ей тут всё, выбери комнату, где Алиа будет жить. Да... В первую очередь, помоги вымыться! И дай пока что-нибудь из своей одежды. Завтра нужно будет позвать к нам женщину, которая шьёт... Ты, наверняка, знаешь кого-то...

– Конечно, господин, всё сделаю, – кивнула с улыбкой женщина.

На девицу она поглядывала с недоумением и тревогой. А та как раз шагнула вперёд, и покрывало на её груди распахнулось, обнажая тонкую шею и рабский ошейник.

Вот тут служанка не сдержалась и ахнула:

– Ты купил наложницу, господин?

Две пары женских глаз впились в него, ожидая ответа.

Шункар скривился и неопределенно махнул рукой:

– Помощницу тебе купил... А то скучно одной. Пусть вон... за розами приглядывает, а то... одни колючки! – Он бросил взгляд на Алию: – Потом... Когда спина заживёт. Зофия, у тебя где-то мазь была хорошая... Помнишь, ты мне рану на боку лечила. Посмотри её спину, будь добра! Плетью досталось... – добавил он, заметив недоумение женщины.

Зофия ахнула и прикрыла рот рукой.

– Ну... ступайте!

– Пойдём, дочка! – позвала Зофия по-велларски, как говорила и прежде.

Хорошо, что ей даже объяснять ничего не пришлось, от

наблюдательных глаз этой женщины ничего не укрывалось.

Алия беспрекословно пошла следом. И Шункар понадеялся, что хотя бы со старой служанкой она не будет дерзить и язвить.

Проводив женщин долгим взглядом, Сокол наконец-то отправился к себе.

Зашел в комнату, захлопнул дверь, уселся на низкую кровать, шумно вздохнул. Потом схватился за голову, взъерошив волосы, и безудержно расхохотался.

Какое-то время Шункар лежал, глядя в потолок. И тишину нарушали лишь его собственные мысли. А их было много. Кружили шумной птичьей стаей в голове, неслись неукротимым диким табуном.

Нужно было принять душой и разумом всё, что случилось сегодня. А это оказалось не так-то просто.

Хорошо, что сегодня у него свободный день, и не нужно идти во дворец. Если, конечно, не случится чего-то непредвиденного, и хан не пришлёт за ним.

А сейчас есть время подумать.

Шункар понимал, что сделал большую глупость.

Истратил почти все свои накопления... И ради чего? Что он приобрёл? Лишние хлопоты на свою голову.

Зачем ему эта колючая дикая девчонка? Которая, вместо благодарности, ещё и норовит ужалить посильнее. Зачем взваливать на себя заботу о совершенно чужом человеке?

Разве ему плохо жилось до этого? Беспечно и сытно. И думать нужно было лишь о собственной шкуре да безопасности хана.

А теперь вот думай о ней, переживай, примеряйся к словам, чтобы напрасно не обидеть. Лишние траты, лишние заботы.

Да, разумеется, он сделал большую глупость.

Так твердил ему разум. Но сердце говорило другое...

Он не мог поступить иначе, не мог закрыть глаза и пройти мимо, просто оставить эту девчонку там и забыть о ней.

Забыть о ней... Да уж...

Разве можно забыть такую? Эти глаза... Ох, эти глаза без ножа режут!

Она была столь же красива, сколь и дерзка. Но красивых женщин Шункар видел достаточно. Нет, причина было в другом. И даже не в том, что она велла.

Что-то цепляло в ней, притягивало, входило занозой в душу... Не зря ведь он её колючкой назвал.

Она манила и влекла. И вот даже сейчас он ловил себя на желании пойти посмотреть, как Алиа устроилась, перекинуться хоть парой слов, взглянуть на неё ещё раз.

И вот это Шункару совсем не нравилось. Плох тот воин, который не властен над своими желаниями, который теряет голову из-за женщины. Такой воин очень быстро может лишиться головы уже по-настоящему.

Он всё это знал, всё понимал, но странная тяга с каждым мгновением лишь росла и набирала силу.

Это всё от безделья! Точно. Вот завтра пойдёт на службу, как обычно, там будет некогда думать о всяких синеглазых колючках.

В конце концов, он решил не ждать вечера, а прямо сейчас взять деньги и сходить вернуть долг Рашаду. Может, так из головы выветрятся эти глупости.

Решил – сделал. Сокол не любил тратить время напрасно. Шункар отсчитал двести дирхемов, с тоской взглянул на то, что осталось на дне небольшого сундучка, где он держал свои сбережения.

Да-а-а... И на это ещё до конца месяца надо как-то прожить.

С голоду они, конечно, не умрут. Уж на то, чтобы прокормить Зофию и его новую рабыню, денег хватит. Вряд ли Алия много ест... Небось, клюёт, как пташка, по зёрнышку. А сам Шункар всегда может наведаться на ханскую кухню.

Но ведь девчонке ещё надо купить одежду и обувь. Да и другие траты могут случиться.

При крайней нужде, конечно, всегда можно пойти на поклон к хану, чтобы тот выдал жалование раньше срока, но просить Шункар ненавидел ещё больше, чем брать в долг.

Ладно, что-нибудь придумает, выкрутится... Это всего лишь деньги.

Зато белые плечи этой дерзкой кошки больше никогда не почувствуют на себе, что такое плеть. И никакой мерзкий жирный бай не опозорит её при всём народе, содрав одежду, и... не возьмёт её силой.

Да что это за напасть? Опять все мысли о ней! Хватит, Сокол, хватит!

Ты же собрался к Рашаду – так иди!

Ушёл он недалеко...

Прежде чем отлучиться, решил предупредить Зофию, куда отправляется и как скоро вернётся. Всё-таки за Шункаром могли прийти в любое время дня и ночи, и если кто-то явится, Зофия должна знать, что ответить.

Обычно служанку можно было застать на кухне, где она хозяйничала чаще всего. Вот и сейчас Шункар вышел во внутренний двор, направляясь к ней, но внезапно остановился, прислушиваясь.

В открытое окно долетали не только дивные ароматы свежей выпечки, но и пара женских голосов. Говорили они негромко, но Шункар слышал каждое слово. Привычку подслушивать Сокол всегда считал недостойной и гадкой, но сейчас, изменяя собственным принципам, не удержался от этого низкого занятия. Ему отчаянно хотелось знать, что на самом деле думает эта вредная девица, а ведь ему в лицо она снова будет говорить только дерзости и насмешки.

– Ешь, дочка, ешь! Не смущайся! Наголодалась, бедная... – ворковала заботливо Зофия. – Ничего, теперь будешь сыта да хозяином обласкана.

– Спасибо, госпожа! – чуть невнятно отозвалась Алия, видно, жевала что-то. – Спасибо за вашу доброту! Только ласки хозяина вашего мне не надо. Пусть только попробует...

– Ох, глупая! Я же вовсе не о том, – рассмеялась Зофия. – Я к тому, что повезло тебе. Господин Шункар добрый хозяин, зря не обидит. Я у него уже пять лет живу. За всё время

слова плохого не сказал. А если даже дойдет до того, о чём ты подумала, бесстыдница, – Зофия перешла на шёпот, хоть и не могла знать, что Шункар её слышит, – так тоже ничего тут плохого не вижу. Ваше дело молодое... Коли всё по любви да согласию, так ничего в том дурного нет. Если такой мужчина тебя в свою постель возьмёт, благодарить надо Отца-Небо и Мать-Землю! Редко какой наложнице такое счастье выпадает. Собою хорош. Молодой, статный да сильный. В Анкачи уважаемый. И деньги имеет и сердце доброе. Чем тебе не угодил, не пойму?

– Уважаемый... – зло фыркнула девчонка. – Хану проданся за серебро. Степняки наши деревни жгут, велларов как скот режут, в полон угоняют, а он их хану ноги целует...

Шункар стиснул зубы до хруста. Её слова ударили по душе хлёстко, как пощечина.

– За это ханское серебро, дочка, он сегодня жизнь твою выкупил, – проворчала Зофия. – Ты про это вспоминай почаще, может, тогда и глаза пошире откроются! Уважать и любить насильно не заставишь. Того от тебя никто и не требует. Думать можешь, что угодно. Но за языком своим острым, милая моя, ты получше следи! Коли хочешь, чтобы я к тебе с добром относилась, гадкие слова про хозяина говорить при мне не смей! Я, как и ты, господину жизнью своей и свободой обязана. И, в отличие от тебя, благодарной быть умею.

Шункар ждал, что Алия снова привычно дерзить начнёт, но та лишь спросила удивлённо:

– Как это... жизнью обязана?

– Так. Он меня выкупил и освободил. Теперь я не рабыня, а служанка. Видишь, рабских меток на руках больше нет. Господин Шункар дал мне крышу над головой, кормит, за работу ещё платит. Такого хозяина во всём Анкачи не сыскать. Уж ты мне поверь! Знаю, что говорю. Я на своём веку разных баев повидала.

– Ой! И правда, свободная... – ахнула девчонка. Наверное, Зофия ей запястья показала, которые раньше магические узоры опутывали. – А... почему же ты не ушла?

– Ушла? – удивилась старая велла.

– Да! Ведь тебя здесь ничего не держит. Ты могла уйти... Ну... или сбежать!

Шункар напрягся. Да, чего-то такого он и ждал. И Алиа подтвердила его худшие опасения. Эта девчонка точно на месте сидеть не будет, попытается сбежать. Неужели не понимает, чем это ей грозит?

К счастью, Зофия тоже видела её насквозь и терпеливо взялась разъяснять:

– Сбежать? И думать об этом забудь! Запомни, дочка, одинокой женщине в Степи не место. Если жить хочешь, выброси эти мысли из головы! Беглого раба всё равно поймают. В лучшем случае, вернут обратно хозяину. А скорее всего, продадут заново. Да, ещё раз в месяц на площади несколько беглых казнят, дабы другим неповадно было. Хозяину заплатят, чтобы не возмущался, а ты на корм воронам пойдёшь.

Так что судьбу не искушай! Даже если из Анкачи выбраться получится, что дальше? Степь беспощадна. Или в руки разбойников попадёшь, или звери растерзают, или солнце и голод убьют. Нет, моя милая, я хорошо понимаю, что мне одной в Велларию никогда не добраться. Сгину в пути, вот и всё. Зачем мне такие испытания на старости лет? Меня там всё равно никто не ждёт. Никого на родине не осталось. А здесь... Я уже привыкла. Это теперь и мой дом. Господин ко мне со всей почтительностью, будто к матери родной, а не к простой служанке. Да и я его как сына полюбила. Ты о нём поспешно не суди, дочка! Хороший мальчик, Шункар. Иной раз смотрю на него и думаю, мой Михо теперь бы тоже таким был... Вот так-то, дочка, бывает: одного сына судьба отняла, да другого взамен подарила.

От этих слов у Шункара в груди защемило, захотелось войти на кухню прямо сейчас да обнять сердобольную Зофию покрепче. Особенно, когда он услышал, что женщина всхлипывает тихонько. Но ведь тогда они поймут, что Шункар подсушивал этот откровенный разговор.

– Не надо, госпожа Зофия! Прошу, не плачь! Прости, что я тебя расстроила! Прости меня!

– Ты тут вовсе ни при чём, дочка. Просто есть такое горе, которое и годы не излечат.

– Знаю, госпожа Зофия, – Алиа тяжело вздохнула и тоже всхлипнула.

– Какая я тебе госпожа? Перестань! – добродушно про-

ворчала пожилая велла. – Зови просто по имени или тётушкой!

– Хорошо, тётушка!

– Ой, ой, ой! Вот заболтала меня, старую! Пирог едва не сгорел...

– Проходи, Шункар, проходи, друг! Садись! Обед со мной раздели!

– Благодарю, Рашад! Не стоит... Я только долг отдать. Вот, возьми сразу!

– Э, нет... так быстро я тебя не отпущу! – рассмеялся его приятель, забирая кошель, в котором позвякивали две сотни дирхемов. – Отца ещё дома нет. Вернётся – передам. Давай, садись, рассказывай! А то мне одному скучно... Ну... Как там твоя дикая асха?

– Обживается потихоньку, – усмехнувшись, пожал плечами Шункар. – Да какая она асха? Птенец желторотый. Пищит только громко, страшает, а у самой ни клюва, ни когтей – отпор дать.

– Не скажи! – снова рассмеялся Рашад. – Для птенца у неё слишком красивые перышки. Да и коготки есть... Она их ещё там, на рынке показала. Вот интересно, что она тебе вперёд расцарапает – спину или лицо? Смотри там с ней осторожнее, а то завтра явишься на службу с разодранной рожей. Вот потеха будет: непобедимого Шункара девчонка побила.

– Без твоих советов разберусь! – беззлобно огрызнулся Сокол. – Может, я её вообще не за тем купил.

– А зачем? – продолжал шутливо глумиться Рашад. – Ска-

жи ещё, рубахи стирать! Не поверю ни за что.

– А что, если так? Купил, чтобы Зофие помогала. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что тогда ты дурак! Такую красавицу в дом привести, двести дирхемов отдать, и отправить не в постель, а на кухню... Нет, мой друг Шункар, такую глупость сделать не мог.

«Но сделал...» – пронеслось в голове, и Сокол усмехнулся собственным мыслям.

– Я не беру женщин силой, – он надеялся, что эти слова станут ответом сразу на все вопросы Рашада.

Но друг только усмехнулся:

– Знаю. Но разве я об этом говорил? Просто сделай так, чтобы она сама к тебе пришла!

«Да уж... *Просто сделай так...* Проще не бывает!»

Воображение мгновенно нарисовало картину: его комната, вечерний сумрак, приоткрывается дверь, и бесшумно входит она – скидывает синее, как море, покрывало, а под ним... Сердце сбилось с такта, от закипевшей крови бросило в жар.

– Ладно, я пойду, – поднялся Шункар. Сегодня эти пустые разговоры вызывали злость. – Благодарю ещё раз, что выручил.

– Не терпится свою пташку приласкать? – продолжал подначки Рашад.

– Вот же привязался! – фыркнул Сокол раздражённо. –

Да, не терпится. А ты сиди один и завидууй!

Рашад на это только расхохотался.

Шункару действительно не терпелось вернуться. Увидеть её, убедиться, что эта волшебная пери ему не пригрезилась.

А там... пусть снова жалит стрелами своих острых слов, пусть обжигает синим пламенем глаз. Это не самая большая плата за право владеть этим сокровищем.

А ещё в сердце теперь неотступно жил страх потерять её. Если она попытается сбежать...

Раз уж подобные мысли поселились в её голове, рано или поздно Алия попробует это сделать. И тут бесполезно садить пташку в клетку и запираить, всё равно найдёт способ ускользнуть. Надо как-то донести до этой девчонки, чем грозит ей побег.

Или, может, поступить иначе – дать ей то, что она хочет – свободу?

Нет, вот это точно пока делать рано. Без рабских меток она сорвётся в путь сразу же... И погибнет, погибнет наверняка.

Что ж, хотя бы с малого начать – сперва избавить её от ошейника. А там видно будет. Не хочется из-за собственной глупости разыскивать её потом по всей Степи.

Зофия вышла навстречу хозяину, улыбнулась приветливо, сообщила, что никто его не спрашивал, и поинтересовалась, накрывать ли уже стол.

– Сперва в купальню схожу, освежусь. Жара сегодня невыносимая... А уж после обед, – ответил Шункар и тотчас не удержался: – А где Алия?

– У себя она, господин, – служанка неопределённо махнула рукой. – Я её в ту комнату определила, что с окном во двор, как раз напротив ваших покоев.

Шункар кивнул одобрительно.

Если, в самом деле, заняться загубленным садом, вернуть к жизни розы, что раньше росли во внутреннем дворе, то прямо под окном у Алии будут благоухать цветы. И она наверняка станет отворять деревянные решётки, садиться на широкий подоконник и любоваться прекрасными розами, а он сможет тайком любоваться ею...

– Отправь-ка её ко мне! – вдруг бросил Шункар уже вдогонку уходящей Зофии.

– Хорошо, господин, – чуть нахмурившись, поклонилась женщина.

В доме всегда было прохладнее, чем на раскалённых улицах города. Толстые каменные стены спасали от знойного южного солнца.

Но всё равно хотелось окунуться в чуть прохладную воду и смыть с себя пыль и пот. Шункар направился в купальню, примыкавшую к его комнате. Разделся, окунулся головой в широкую бадью, а затем и вовсе окатил себя от макушки до ног.

Поток воды принёс желанную свежесть и облегчение.

Шункар встряхнулся, как пёс, расшвыряв сверкающие алмазы брызг. Потом завернулся до пояса в хлопковое покрывало и направился в комнату.

Приглушенный испуганный возглас заставил его замереть на пороге.

Алия застыла посреди комнаты и, казалось, даже дышать перестала. Взгляд широко распахнутых синих глаз буквально прилип к его полуголому телу. По побледневшему лицу стремительно разливался стыдливый румянец.

А ещё в глазах всё сильнее проступал страх. Она отчаянно пыталась держать себя в руках, но, казалось, достаточно сделать шаг навстречу, и девчонка сорвётся с места, бросится в самый дальний угол.

Вот же!

Сокол уже забыл, что велел ей прийти. Ну, вернее, он даже не подумал, что она явится столь быстро и застанет его в таком виде. Хорошо ещё, хоть что-то на себя накинул.

Звнящее молчание затягивалось.

Шункар видел даже на таком расстоянии, как она начинает дрожать, напряжённая, как тетива лука. Как мысленно собирается, готовится дать отпор.

Нужно было срочно что-то сделать!

– Ты уже пришла... – невозможно произнёс он, и лишь Отец-Небо ведаёт, как сложно далось ему это спокойствие в голосе.

Она вздрогнула от звука его голоса, как от удара хлыстом, вскинула с вызовом подбородок, обожгла взглядом, полным горечи и ненависти, и с привычным ядом отозвалась:

– Пришла, господин. Как я могла тебя послушаться! Что прикажешь? Мне прилечь сюда? – она мотнула головой в сторону его ложа. – Или сперва раздеться? А, может, ты хочешь сам сорвать с меня одежду? Как велишь тебе угодить?

Её слова вызывали странную смесь чувств: обжигали до боли, кололи иглами душу, но при этом распаляли такой огонь в крови, что он с трудом удерживал себя на расстоянии от неё.

– Подожди здесь! Я оденусь, – хрипло бросил Шункар и, не глядя больше на неё, прошёл мимо в соседнюю комнатёнку, где быстро натянул штаны и рубаху.

Вот теперь и поговорить можно.

Алия до сих пор так и стояла застывшим мраморным изваянием. Увидев, что Шункар оделся, она едва заметно вздохнула, но продолжала неотрывно следить за ним, словно маленький зверёк за опасным хищником. Это злило.

И он бросил в сердцах, жёстче, чем хотел:

– Да не трясись ты так! Я же сказал сразу, что ничего дурного тебе не сделаю.

– Я вовсе не боюсь! – с вызовом вскинулась она.

– Оно и видно, – хмыкнул Сокол.

– Не боюсь, – упрямо повторила она. – Просто ещё из ума не выжила, верить мужским обещаниям... Да и то, что для меня дурное, вы таким совсем не считаете...

– О! Ты, оказывается, так хорошо знаешь мужчин... – усмехнулся он.

Глупая неуместная ревность царапнула когтями по сердцу.

– Что там знать? – скривилась Алия. – Всем вам только одно и нужно...

Ну? И разве она не права?

Шункар самому себе врать не собирался. Один взгляд на эту вздорную девчонку мгновенно пробуждал в нём неукротимый огонь желания. Да что там взгляд – одна мысль о ней!

– Так этот мир создан был. Мужчине нужна женщина,

женщине нужен мужчина, в этом действительно нет ничего дурного... – пожал плечами Шункар, остановившись напротив и рассматривая её.

Сейчас, отмывшись от дорожной грязи, она стала ещё притягательнее. Ещё влажные тёмные волосы струились по плечам, кожа светилась безупречной белизной.

А вот одежда... Платье Зофии было слишком большим, мешковатым, прятало её ладную фигуру от его ненасытных глаз, но широкий вырез горловины так и норовил соскользнуть с плеча. И её нежная шея, ключицы оставались на виду...

Их так хотелось коснуться.

– Но тот, кто берёт женщину насильно, – холодно продолжил Шункар, – не мужчина. Невелика доблесть надругаться над слабой. Да и какая радость в том, кто делить ложе с той, которая тебя ненавидит?

– Не знаю. Это ты у своих дружков-степняков спроси! – пробурчала она. – Хочешь сказать, что не такой? Тогда зачем велел мне прийти?

У Шункара похолодело в груди от зазвеневшей в её голове боли и промелькнувшей едкой мысли, что о принуждении она может знать не понаслышке. Сокол же не ведал, что творил с ней этот мерзкий торговец рабами.

Спросить прямо язык так и не повернулся.

Шункар решил просто ответить на её вопрос и отвлечь от этого неприятного разговора.

– Ошейник твой хотел посмотреть... Подойди!

Она вскинула на него удивлённый взгляд, но даже не шевельнулась.

– Ты же говоришь, что не боишься... – подначил Шункар.
– Так подойди!

Она фыркнула и молча сделала несколько стремительных шагов. Смотрела с вызовом исподлобья. Словно проверку ему какую-то учиняла.

Но стоило ему протянуть руку, как отпрянула резко.

– Стой спокойно! – велел Шункар и сам подался вперёд, подцепил тонкое металлическое кольцо пальцем, коснулся случайно тонкой шеи...

И больше ничего не успел.

Алия гневно дёрнулась, ударила его сначала по руке, потом маленьким кулачком в грудь, тотчас вскинула ладонь снова, с явным желанием вцепиться в лицо.

Шункар машинально отступил на шаг, и мигом поймал её в кольцо своих рук, обезоруживая, развернул тотчас и прижал к себе спиной. Это вышло само собой – от привычек воина невозможно избавиться. Теперь Алия не могла до него дотянуться, но зашипела и попыталась укусить.

– Тише ты, неугомонная! – рыкнул он практически ей в ухо. – Вот же, наказание моё! Успокойся! Я снять его хочу! Слышишь? Снять!

Она замерла, перестав бушевать, но Шункар выждал ещё несколько мгновений, прежде чем освободить.

Оказалось, что выпустить её из своих объятий – такую хрупкую, маленькую и трепетную – не так-то просто. Он чувствовал, как неистово колотится под его ладонью её горячее сердечко, как она съёжилась, затаилась.

Ну, точно, крохотная пташка, зажата в кулаке мальчишки.

В детстве Шункар с друзьями нередко озорничал, ловил пичуг. Нет, не губил, всегда на волю отпускал. Просто любопытно было изловить, в руках поддержать, погладить, рассмотреть...

Ничего плохого он им не делал, но пташки всё равно боялись. И сердечко у них трепыхалось точно так.

Вот и эта девчонка, как пташка малая... Испугалась, глупенькая...

Но откуда ей знать, что он зла не замышляет? Алия боялась его сильных рук и рвалась на волю.

Шункар ослабил хватку, снова потянулся к ошейнику, добавил сурово:

– Спокойно стой! Я только посмотрю. Может, снять смогу... Сам. Если, конечно, без магии нацепили...

Она, в самом деле, присмирела, чуть откинула голову, позволила Шункару склониться ближе. Только горящих глаз так и не опустила, смотрела прямо в лицо.

У Сокола от этого взгляда сбивалось дыхание.

Она сейчас была так близко, что ему ничего бы не стоило коснуться её приоткрытых губ. Но пока он держался.

А вот пальцы, пробежавшись по холодному металлу ошейника, прощупали замок... И всё-таки не утерпели – дотронулись до кожи, скользнули мягко по жилке, бьющейся под нежной, прозрачной кожей, а потом поймали тёмный шелковистый локон и бережно отвели за плечо.

Её волосы, ещё не просохшие после купания, пахли цветами, щекотали, будто дразня, ладонь. Так и хотелось запустить в них руку. Притянуть её к себе ближе и впиться в эти алые губы, словно ждущие поцелуя.

– Кажется, обычный... – едва совладав с голосом, сообщил Шункар. – Значит, смогу снять...

– А не боишься? – колко усмехнулась она. – Что сбегу... Не боишься?

Шункар поглядел на эту занозу сверху вниз, качнул головой, ухмыльнувшись – мол, нет, не боюсь.

А потом, склонившись к сразу покрасневшему ушку, почти коснувшись щекой её скулы, хрипло шепнул:

– Не отпущу!

Она вспыхнула, щёки заалели. С губ уже готова была сорваться очередная колкость...

Но Шункар перебил её порыв:

– Замри и не шевелись! Просто стой спокойно, а лучше обопрись на меня! – при этом он бесцеремонно подхватил её ладони, положил себе на грудь. – Не хочу ненароком свернуть тебе шею...

Алия от его наглости сперва опешила, потом снова фырк-

нула, но сказать так ничего и не успела.

– Откроешь сейчас рот – я закрою его поцелуем! – пригрозил Шункар, сам не зная, в шутку или всерьёз.

К его удивлению, это помогло. Алия, прожигая его синим взглядом, лишь поджала губы, но не произнесла ни слова.

А вот ему, пожалуй, сейчас хотелось, чтобы она взбрыкнула и снова уколола его какой-нибудь дерзостью...

Но пора было сделать то, зачем он её позвал.

Шункар сперва собрал все её волосы и перекинул на одну сторону, чтобы не мешали. Побоялся, что дёрнет случайно. А может просто искал повод ещё раз прикоснуться к тёмному шёлку.

Потом Сокол осторожно провернул ошейник так, чтобы хитрый замок оказался у него на виду. Подцепил металлический обруч двумя руками, и потянул в разные стороны: одну часть – вверх, другую – вниз. Упрямые рабские оковы скрипели, но поддаваться не желали.

Шункар потянул ещё раз, так что вздулись жилы на руках, и рубаша на плечах едва не лопнула. Алия, забыв обо всём, вцепилась в него тонкими пальчиками, смотрела испуганно, с надеждой.

Впервые он видел у неё такой взгляд. И не мог подвести.

Громкий щелчок, тонкий, жалобный звон, и в руках Шункара оказались две части разломленного пополам кольца.

– Вот и всё! – усмехнулся Сокол, вложив обломки в руку Алии.

А она посмотрела на собственный ошейник растерянно, будто поверить не могла, потом подняла взгляд на Шункара, и крохотная слезинка хрустальным бисером шустро скатилась по её щеке.

Что делать с плачущей женщиной, Сокол представлял смутно. И он заговорил снова, пытаясь отвлечь её разговорами, лишь бы она не разрыдалась сильнее.

– Я избавил бы тебя и от этого... – Шункар, едва касаясь, провёл пальцами по узорной вязи на её запястьях.

Магические рабские оковы напоминали рисунок на коже хной, но тускло мерцали, стоило до них дотронуться. Переплетение тонких рыжеватых линий, словно гибкие веточки. Выглядело даже красиво...

Если не знать, что это такое.

Шункару доводилось видеть племена, которые украшали себя таким странным образом. Разрисовывали себе руки и лица. Причём и мужчины, и женщины, и дети. Эти люди верили, что подобные рисунки защитят их от бед и врагов.

Но узоры не спасли никого из них...

Однако сейчас мысли Сокола были не об этом.

То, что он видел на руках Алии, служило не для украшения или оберега. Эта *метка*, ясно указывающая на её незавидное положение. Нарисованные магией браслеты – символ того, что она лишь красивая вещь, дорогая забава хозяина.

А ещё... это невидимая клетка или, скорее, цепь. С такими узорами рабам далеко не уйти.

Конечно, спрятать их проще, чем тот же ошейник. Но ме-

таллический обруч на шее был лишь способом указать на раба, а заодно унижить – мол, знай своё место, теперь ты жалкий пёс, и полностью во власти своего господина.

А вот рабские метки... С ними всё куда сложнее.

Говорят, колдуны, которые создавали эти оковы, умели и находить по ним беглых невольников. Эти рабские метки оставляли свой *след*. *Знающие* люди без труда его находили.

Вот почему обрести свободу любому рабу можно было лишь одним способом – получив её от хозяина. Да только такое редко случалось – большинство так и отправлялось к предкам, не дождавшись освобождения.

– Я избавил бы тебя от этого... – снова задумчиво повторил Шункар. – И избавлю.

В глазах Алии теперь читалась растерянность... Она даже про свои колючки забыла на время. Смотрела так, будто ушам своим не верила.

– Однажды. Когда буду уверен, что ты не погубишь себя этой свободой, – добавил Шункар, и она сразу сникла.

Но ему сейчас нужно было видеть её глаза, нужна была уверенность, что она его слышит и понимает.

– Алиа... – он осторожно дотронулся до её подбородка, приподнял лицо. – Послушай меня, прошу! Я же понимаю, что у тебя на уме. Ты думаешь, теперь сбежать будет легче... Ненавистный ошейник больше не давит, – он медленно провёл большим пальцем по красной линии оставшейся на её светлой коже. Но она даже не шелохнулась, будто за-

ворожили. – А запястья от чужих глаз спрятать гораздо проще. Старую, доверчивую Зофию и вовсе обмануть не так уж сложно. Значит, нужно просто дожидаться, когда уйдет этот *ханский пёс* Шункар. Выбраться побыстрее из дома, а там... ищи ветра в степи! А ещё лучше... сделать это ночью, когда все уснут. Ночью точно никто не хватится. Главное, чтобы в Анкачи не схватили, не вернули. А уж за пределами города, в степях, вовек никто не найдет. Так? Можешь, не отвечать! И сам знаю. На твоём месте, я бы думал именно так. И непременно бы попытался...

Она дёрнулась, ускользая от его руки, всё ещё касавшейся её лица и шеи, отвела взгляд, нахмурилась, закусила губу.

– Вот только... ничего у тебя не выйдет! Ты совершенно не знаешь нравы Анкачи. И не знаешь язык Степи. О помощи тебе просить некого, – холодно продолжил Шункар. – А я знаю эти земли, этот народ, их традиции. И я скажу тебе, что ждёт тебя за стенами моего дома. В лучшем случае, смерть. В худшем, новое рабство, унижение и бесчестие. Сбежишь – тебя найдут. Вот по этим самым меткам. Найдут, даже если я умолчу о твоём побеге, дам возможность уйти. Рано или поздно, кто-то заметит тебя и выяснит, что ты рабыня. И тебя казнят. Или продадут новому хозяину. На то, что вернут мне, можешь даже не надеяться! А прятаться долго ты не сможешь. Здесь не принято, чтобы женщина одна разгуливала по улицам. Даже свободная женщина. Спроси, Зофию! Она уже в почтенном возрасте и то не осмеливается нос на

улицу показать. Всегда ходит на рынок вместе с одним пожилым рабом моего соседа. Так ей спокойнее. А уж молодая девица, оказавшаяся на улице без мужчины, сразу приравнивается к гулящей. И, значит, обращаться с ней можно, как вздумается. Ты можешь, конечно, украсть у меня одежду, притвориться мужчиной... Но подумай, что с тобой сделают, когда раскроется обман!

Алия сердито сопела, по-прежнему не поднимая глаз.

– Город окружен стеной. Очень высокой стеной. Ты, наверняка, видела... Через неё перебраться можно, только имея крылья. А ты, Пташка, летать, увы, не умеешь. Ворота охраняют воины хана, на стенах они тоже несут дозор. Мимо них ты не прошмыгнёшь. Но... давай представим, что тебе удалось невозможное – ты нашла путь, сбежала из столицы... Что дальше? Сколько дней тебя везли через степи из Веллarii? Ты уверена, что сможешь пройти этот долгий путь одна? Пешком. Без еды, без оружия, без лошади. Что ты будешь делать, когда на тебя нападёт стая волков? Или того хуже, встретятся шакалы на двух ногах. Хочешь, чтобы тебя пустили по кругу, безжалостно растерзали и бросили умирать в степи?

Шункар видел, как она сжимается от каждого слова, бьющего как стрела прямо в душу. Но сейчас он должен быть беспощадным. Ради нее.

– Пусть даже эти беды минуют тебя. Степь умеет убивать и без помощи людей или зверья. Я не стану спрашивать, что ты

собираешься есть. Про другое подумай! Ты представляешь, что такое идти по степи без повозки, без полога? Укрыться от дневного зноя порой негде. Иногда по два, три дня не найти чистой воды. Ты знаешь, как это... умирать под испепеляющим солнцем? Медленно, мучительно, страшно. Когда кажется, готов полжизни отдать за один глоток воды... Кожа превращается в один сплошной ожог, кровавый волдырь. Знаешь, как долго заживают такие раны?

Вот тут она неожиданно вскинула голову, пристально вглядываясь ему в глаза, и Шункар умолк и сам поспешил отвернуться в сторону.

– Я не пытаюсь запугать тебя, Алия, – заговорил он через пару мгновений. – Просто хочу уберечь от беды. А сделать это я смогу только здесь, в моём доме. Ты не представляешь, что ждёт тебя за его пределами. Не представляешь, как жестока Степь!

– Очень хорошо представляю, – горько усмехнулась Алия, и губы её предательски задрожали. – Я поняла это ещё до того, как меня продали тому торговцу. Ты прав, путь из Веллании был долгим... И всю дорогу две дюжины степняков, из тех, что напали на нашу деревню, следили за нами, пленниками, будто злобные коршуны. В основном, они угнали в плен женщин. И, скорее, это ты не понимаешь. А вот я... очень хорошо представляю, какая участь меня ждёт.

Что-то было в её словах... В груди неприятно похолодело, и снова злая догадка кольнула болезненно.

И в этот раз Шункар не удержался от вопроса. Хотя спрашивать такое у женщины казалось совершенно неправильным, невозможным.

– Тебя... – он запнулся, но всё-таки продолжил, – тебя брали силой, да?

Лицо Алии залилось краской, взгляд метнулся по комнате, будто она и в самом деле была маленькой пташкой, готовой биться в окно в поисках свободы.

Потом она стыдливо опустила глаза, мотнула головой.

– Нет. Меня – нет.

У Шункара словно гора с плеч свалилась.

Казалось бы, что ему за дело... Но внутри уже закипала белым ключом беспощадная ярость – острое, как лезвие, желание найти и растерзать тех, кто посмел.

Найти вряд ли возможно, но сердцу это не объяснишь. От мысли, что с ней могли сотворить такое...

Как хорошо, что он ошибся, что эта страшная участь миновала Пташку.

Он шумно выдохнул, от облегчения едва ли понимая, что она ещё говорит себе под нос.

А послушать стоило...

– Мне повезло. Невинные рабыни здесь, у вас, ценятся. Таких можно продать намного дороже. Это меня и спасло. Моя сестра успела выкрикнуть, что я не была замужем. И меня не тронули.

Она замолчала, глядя себе под ноги.

А Шункар был только рад, что она на него не смотрела. Кажется, и его лицо сейчас горело, как точёные скулы этой

девчонки. Говорить о таких вещах он не привык. Особенно, с женщиной.

«С девицей...» – мысленно поправил Сокол сам себя, и эта мысль неожиданно отозвалась жаром в груди.

Её никто ещё не касался...

Взгляд потянулся снова к хрупким ключицам и едва заметной розовой полосе на шее, там, где ошейник натёр нежную кожу. Так хотелось дотронуться ещё раз, хотя бы на мгновение.

Но сейчас точно не время и не место. Сейчас нужно думать о вещах, куда более серьёзных.

До него наконец-то дошёл смысл *всех* её слов. Сестра... Так Алия не одна в плен угодила!

– А твоя сестра... Её купили здесь, в Анкачи?

Зачем спрашивал – сам не знал.

Что, если так? Пойдёшь ещё одну рабыню выкупать? Всем, Шункар, помочь невозможно.

А всем и не нужно... Ну а, на ещё одну невольницу деньги найти можно.

– Нет, она не добралась до Анкачи, – покачала головой Алия, так и не поднимая глаз, голос её зазвучал глуше. – Моя сестра... невинной не была. Её мужа убили степняки, когда налетели на наше поселение. И сына тоже убили. А сестра... Один из них каждую ночь забирал её в свой шатёр. Однажды он сделал большую промашку, – злая ухмылка исказила красивые губы веллы, – оставил на виду свой кинжал. Моя сест-

ра вспорола насильнику брюхо, когда он уснул. За это её... – Алия протяжно всхлипнула, но продолжала говорить и говорить, отрешённо, холодно, и слова её сыпались, как тяжёлые мёртвые камни. – Они вытащили её из шатра за волосы и долго били. А нас всех согнали туда, чтобы смотрели, чтобы знали, что ждёт любую непокорную девку. А потом... они... они отрубили ей голову. И бросили там... Даже... проститься... не дали...

Тихий голос Алии превратился в отчаянный вой. Слезы хлынули рекой. Она стенала, вцепившись руками в тёмные локоны, рыдала, дрожала всем телом.

И Шункар, бывалый воин, переживший не одну бойню, когда от крови становилась алой степь, с ужасом смотрел на неё и понимал, что в жизни не видел ничего более жуткого, чем эта девочка, с разорванной в клочья душой.

От пронзительного горького плача в груди всё сжималось – не вздохнуть. Её бы утешить, что-то доброе сказать, но Шункар не мог подобрать таких слов, чтобы облегчить её безбрежное, как степь, горе.

Алию, видно, ноги держали с трудом.

Заметив, как она пошатнулась, Шункар шагнул ближе и молча привлёк её к себе. Старался держать осторожно, помня о рубцах от плети на её спине. Но Алия всё равно дёрнулась, отстраняясь. И виной тому были, конечно, не шрамы.

Но на это Шункар лишь ещё крепче прижал её к груди, не давая упасть или вырваться.

– Пусти! – чуть слышно пискнула она сквозь всхлипы и рыдания. – Пусти!

Даже кулачком ударила. Но слёзы выпили из неё все силы, удар получился слабым, а потом руки и вовсе безвольно повисли.

Она сдалась, перестала рваться из его медвежьих объятий, уткнулась лицом, как кутёнок, продолжая плакать безутешно и горько. И уже не шипела, когда он осторожно поглаживал её по шёлковым косам. А потом даже сама цеплялась тонкими пальцами за его рубаху, прижимаясь мокрой щекой там, где гулко билось сердце Сокола.

Он не знал, сколько они стояли так, сколько слёз она пролила. Казалось, целая жизнь пролетела...

По крайней мере, что-то успело измениться, что-то успело измениться в его судьбе, прямо здесь и сейчас. Шункар почувствовал, он был в этом уверен.

Всхлипы и стенания становились всё тише, но он не спешил разжать объятия. Да и она всё ещё плакала, пусть уже и не так горько и страшно.

И Шункар твердил себе, что просто ждёт, пока она успокоится. И дело вовсе не в том, что ему до безумия нравилось чувствовать её близость.

Не время сейчас для этого. Ей просто нужно немного тепла. Пусть даже от врага, от *ханского пса*, купившего её за серебро степняков.

Но как можно не замечать эту красоту? И как можно не замечать собственных чувств, тех странных, пугающих чувств, которые она пробуждала?

Ей нужно было немного человеческого тепла.

А вот от неё самой веяло зноем: летним солнцем, раскалённой степью, обжигающим ветром, жаром костра и жгучим перцем.

Разве так бывает? Прежде Шункар не встречался с таким.

Но её аромат выжигал разум и всякое здравомыслие, от него закипала кровь, сбивалось дыхание и пересыхало во рту.

Пора было разрывать эти мучительно-сладкие объятия, иначе он рискует напугать девчонку и добавить ей новых слёз. А её нужно было успокоить, уверить в том, что всё худшее позади. Да и себе вернуть немного благоразумия.

Наверное, поэтому он и решился сказать ей то, что сказал...

– Алия... – позвал негромко, дождался, пока она подняла голову, спрашивая взглядом, чего Шункар хочет. – Послушай меня! Услышь! Ты многое пережила... но теперь... Обещаю, что никому больше не позволю тебя обидеть! Клянусь, пока ты живешь здесь, в моём доме, никто больше не посмеет тебя обидеть! И я... я тоже не обижу. Клянусь, что не трону тебя... – он невольно сглотнул и добавил, – если сама этого не захочешь... Обещаю, что не подниму на тебя руку. Обещаю, что буду тебя защищать. Обещаю, что никогда

никому тебя не отдам, не продам, не подарю. Памятью отца и матери клянусь, что буду верен своему слову. И да проклянет меня Отец-Небо, если я не сдержу своих обещаний!

Она смотрела изумлённо, широко распахнув заплаканные синие глаза. Наверное, пыталась понять, можно ли ему верить.

– Только не убегай от меня, – Шункар осторожно погладил её по щеке, стирая мокрую дорожку, – прошу!

Она опустила глаза, смутившись, и кивнула.

– Хорошо... Спасибо... тебе... – Алия повела плечом, намекая, что объятия давно пора разомкнуть. – Можно... теперь я... пойду?

– Конечно. Если хочешь... – улыбнулся он, хоть на душе было вовсе не радостно. – Я тебя не держу.

Она вымученно улыбнулась и вышла прочь.

– Лети, Пташка! – добавил Шункар, когда она уже не могла услышать. – Может, однажды это место станет для тебя домом, а не клеткой.

Она ушла, и в комнате сразу стало как-то пусто.

Алия, конечно, занимала не так уж много места, ведь была довольно маленькой – хрупкой и невысокой, особенно по сравнению с самим Шункаром. Но странное ощущение, что теперь здесь слишком просторно, будто чего-то не хватает, никак не отпускало.

Сокол подошёл к окну, прислонился плечом к стене, чтобы не бросаться особо в глаза, и замер в ожидании. Скоро она должна будет пройти здесь...

Его довольно большой дом состоял из двух половин и зажатого между ними внутреннего дворика с садом. Вернее, с тем, что осталось от этого сада.

Жилища степняков обычно делились на женскую и мужскую половину. Даже у тех, кто кочевал, в юрте было принято так.

У Шункара не было семьи, жены или наложниц. В одной части дома жил он сам, в другой – только Зофия. Других слуг не имелось.

Старая велла сама справлялась со всеми хлопотами, Соколу этого казалось вполне достаточно, он никогда не был особо требователен. Если Зофии нужны были мужские руки, женщина нанимала в помощь на день-два одного пожилого акшарца, жившего неподалёку.

Или же Шункар помогал сам — он работы не гнушался. Разумеется, когда находился дома, в Анкачи.

Последний год отъезды случались всё реже.

Хан Темиран собрал в свой железный кулак все соседствующие с Анкачи земли. Сначала много воевал, подчиняя себе всё больше племён степняков. Потом, когда уже показал себя, как сильного, непобедимого воина и правителя, его *битвы* всё чаще стали происходить без кровопролития. Теперь свой острый язык Темиран пускал в ход охотнее, чем не менее острый меч.

Война затихла, словно устав от своих бесконечных сражений и шумных стай воронья, и уступила место переговорам и уговорам. В этом хан Анкачи тоже был хорош. Даже противники восхваляли его цепкий ум, красноречие и твёрдость характера.

С каждой луной Акшартостан прирастал новыми землями и союзниками, но кровь теперь лилась редко.

И Шункару такое положение дел пришлось по душе. Пусть сам он был воином, пусть не знал и не желал иной участи. Но он слишком хорошо осознавал, что стоит за словами: «Наш хан завоевал новые земли».

Пока Темиран и его ближние люди праздновали победу, кто-то предавал огню павших и отчаянно пытался спасти смертельно раненых. Причём и среди побеждённых, и среди победителей.

Уж лучше пусть хан сражается на словах, пусть покупает

новых союзников, соблазняет их серебром и золотом, убажает наложницами и изысканными яствами.

А Шункару и в мирном Анкачи всегда найдутся дела. Смерти Темирану желали, и когда он воевал, и когда строил мир. А значит, рядом с ним всегда должны быть такие, как Шункар, верные телохранители, которые никогда не ударят в спину.

Хан ценил Шункара и уважал. Некоторые даже по глупости думали, что хан Темиран считает Сокола другом. Но он не позволял себе таких заблуждений – всегда знал своё место, и понимал, как велика пропасть между ханом и обычным ратником, пусть и лучшим во всем Анкачи.

Да и о самом главном тоже забывать не стоило – о том, кто он такой, и какая кровь течёт в его жилах. Алия всё верно сказала: своим он никогда в Степи не станет, сколько бы ни старался.

Но он и не старался. Всегда был сам по себе, держался в стороне.

Наверное, этим и заслужил особое уважение хана. Да и не только его. К мнению Сокола порой прислушивались самые знатные баи Анкачи. Да, ему завидовали, кто-то, пожалуй, даже ненавидел, но при этом с ним считались.

И порой оставалось лишь удивляться, как причудливо сложилась его судьба. Ведь он вполне мог оказаться на том же невольничьем рынке, где купил сегодня Алию.

А он... не последний человек в ханском дворце, и именно

Шункару Темиран даёт самые важные, сложные поручения – например, куда-то тайно доставить письмо или встретить и сопроводить в Анкачи очередного несговорчивого соседа, с которым хан намеревается заключить союз.

Это уж не говоря о том, что жизнь самого Господина Степей зачастую в руках Шункара.

Порой хан даже мог заглянуть в гости к своему *ручному* Соколу. Вот так, без предупреждения, по-приятельски, в очередной раз подтверждая байки о том, что они, дескать, друзья.

Алия показалась во дворе, и Сокол тотчас отвлёкся от своих мыслей...

Он ждал её, ведь она непременно должна была пересечь дворик, чтобы вернуться на *женскую* половину.

«Ещё не нагляделся за сегодня?» – зло уколол Шункар сам себя.

Но что толку с тех насмешек, если на неё хотелось любоваться бесконечно.

Сейчас она шла, понуро опустив голову и плечи, так что уже подсохшие после купальни волосы скрывали большую часть лица. Платье с чужого плеча висело на ней бесформенным мешком. Но она всё равно умудрялась быть прекрасной.

Алия внезапно остановилась у почти облетевшего куста роз.

Что её там могло заинтересовать? Одни сухие ветки, ши-

пы, да пара уцелевших чудом листьев. Но она протянула руку, аккуратно, чтобы не уколоться, потрогала что-то там, и внезапно улыбнулась.

Кажется, это была первая настоящая улыбка, которую он увидел на её губах – тёплая, добрая, светлая, искренняя.

Шункар едва удержался, чтобы не окликнуть её в окно. Так хотелось знать, что же пробудило в сердце этой колючки радость.

Сокол понимал, отчего она стала такой. После всех испытаний, что уже выпали на долю этой девчонки, ещё и не так кусаться и жалить начнёшь. Но как бы ему хотелось, чаще видеть на её дивном лице вот такую нежную, тёплую улыбку.

Вскоре Алия исчезла в доме, а Шункар ещё долго стоял и смотрел на бледно-жёлтые камни, по которым только что ступали её босые ноги.

Мыслей в голове уже не было, лишь какие-то смутные ощущения: мимолётные прикосновения к её коже, аромат волос, горячие слезы, впитавшиеся в его рубаху, мягкость её тела, тихий стук сердца, жар дыхания, горестные рыдания, яростное пламя в синих глазах. Он собирал по осколкам всё, что принёс этот день, и выходило так, что теперь эти обрывки, мгновения рядом с ней и заполняли всю пустоту его одиночества, складывались в какой-то новый, причудливый рисунок, как кусочки цветной смальты в заморской мозаике.

За всеми этими непростыми разговорами и ещё более тяжёлыми думами Шункар напрочь забыл про обед. Зофия, не дождавшись, сама явилась напомнить, что пора бы хозяину подкрепиться.

Причём времени с тех пор, как его покинула Алия, уже минуло больше чем достаточно, а Сокол и не заметил.

Это уже начинало пугать по-настоящему.

Может, этой колючей девчонке, в самом деле, подвластны какие-то чары? Иначе как объяснить, что рядом с ней он словно переставал замечать мир вокруг?

Он далеко не юнец и знал разных женщин, его не смутить нагим телом или жарким поцелуем. Но этой дикой Пташке не нужно было даже прикасаться, чтобы разжечь в нём огонь желания. И уже одно то, что она просто стояла рядом, смотрела на него, говорила, пусть даже и колкие дерзости, наполняло сердце таким непривычным восторгом, трепетным и жарким. Он почти ничего про неё не знал, но, чудилось, будто способен угадать даже её мысли. Никогда прежде ни одна женщина не пробуждала в суровой душе воина таких странных чувств.

Даже сейчас, усевшись за щедрый стол и рассеянно поблагодарив Зофию, Шункар забрасывал в рот еду, почти не замечал дивного вкуса блюд, приготовленных доброй старой

веллой. Все его мысли снова были о хрупкой, нежной Пташке, которую он совсем недавно бережно держал в своих объятиях.

Он убрёл в этих мыслях так далеко, что удивлённо вздрогнул, когда к нему обратилась Зофия.

– Господин, ты уж прости меня, старую, что я смею тебя допытывать... – смущаясь и пряча глаза, робко начала служанка. – Конечно, не моё это дело, но... уж больно мне девочку жалко! Что ты такое гадкое ей сказал? Какими словами обидел?

– Сказал? Что сказал? Как обидел? – растерянно захлопал глазами Шункар. – Ничего я не говорил! Не пойму, о чём ты?

– Ну... что ты её не словами, а делом обидел, я и вовсе думать не хочу, – сердито поджала губы старушка.

– Зофия! – гневно одёрнул её Сокол. Услышать такое от старой веллы было ой как досадно. – Ладно бы кто чужой... Но ты-то меня столько лет знаешь! Не совестно такое говорить?

– Прости, господин Шункар, прости! Видно, совсем из ума выжила, старая! – замахала руками женщина, покраснев от стыда. – Просто не знаю уже, что и думать...

– Да объясни толком, что случилось?! – Сокол и так ел не в охотку, а теперь и вовсе позабыл про обед.

– Так плачет она, господин, – вздохнула Зофия и сама смахнула блеснувшие на глазах слёзы. – Как вернулась от тебя, так всё плачет и плачет. Я спрашиваю, что случилось, чем

помочь, господин что сказал, или болит что? Она только головой мотает и снова ревет. Уже второй час, поди, без остановки! Разве так можно? Как бы не расхворалась! И так чуть живая, и спина рассечена... Так ещё слёзы лить надумала...

Шункар не дослушал печальные бормотания женщины, отшвырнул скомканное полотенце, которое всё это время терзал в руках, и вскочил из-за стола.

— Господин... — испуганно долетело в спину, но Сокол уже летел прочь.

Врываться вот так к чужой тебе девице, конечно, было совершенно непозволительно. Но меньше всего сейчас Шункар думал о приличиях.

Слова старой веллы разбередили в душе ещё более странные и незнакомые чувства, чем те, что уже поселились там сегодня.

Лишь оказавшись в комнате Алии, Сокол приостановился у порога на мгновение, смутившись. Но, отыскав её взглядом и убедившись, что она одета и, вообще, пока его даже не заметила, уже смелее подошёл ближе.

Алия, в самом деле, лежала, отвернувшись к стене, уткнувшись в подушку, сжавшись, обхватив себя руками. Она уже не плакала, как говорила Зофия, но дрожала всем телом, всхлипывала и даже постанывала тихонько, мучительно.

Боясь напугать её и расстроить ещё больше, Шункар опа-

сался к ней прикасаться. Но зрелище, представшее его глазам, разрывало на части его чёрствое сердце.

Так хотелось подхватить её сейчас на руки, усадить к себе на колени, прижать к груди и снова ласково гладить по тёмным косам, пока не иссякнут эти слёзы, пока не отогреется в его объятиях.

И он не удержался, провёл рукой, ласково, едва касаясь, по шёлку её волос и плечу, окликнул осторожно:

– Алия... Что с тобой такое? Чем тебе помочь?

Она не ответила ничего, лишь всхлипнула ещё громче. Он снова коснулся её руки. Очень бережно.

Но она вздрогнула, заёрзала, стараясь скинуть его ладонь, бормоча, как в горячке:

– Не надо! Пусти! Не смей! Не смей!

– Эй, тише, тише, Пташка глупая! – попытался усмирить её Шункар. – Это я. Не бойся! Я же тебе обещал... Слышишь? Алия?

Она перевернулась на спину и, видно, потревожила свои раны – застонала ещё громче, бледное лицо исказила мука. Синие глаза закрыты, темные тени пролегли под ними. Пересохшие губы и вовсе были искусаны.

– Алия? – снова тревожно окликнул её Шункар, коснулся стремительно щеки и лба. – Этого ещё не хватало!

Не зря ему сразу показалось, что рука у Пташки слишком горячая. Девчонка огнём горела, её лихорадило, на груди выступили капли пота, влажные волосы завитками липли

к шее.

– Зофия! Зофия! – закричал громко Шункар, не сомневаясь, что служанка где-то поблизости.

Женщина тотчас вбежала в комнату, ну, насколько позволяли её не слишком быстрые ноги.

– Глянь! У неё, и правда, горячка началась! – едва совладав с голосом, объяснил Сокол. – Что делать, Зофия? Ты ей спину лечила? Неужто от плети так?

– Не смей! Пусти! Пусти меня! – снова забилась Алиа под его рукой.

– Ты только глянь, она пылает вся, бредит! – с отчаянием воскликнул Шункар. – Ведь ещё совсем недавно такой не была...

– Ох, вот беда, вот беда! – запричитала старушка, оглядывая несчастную рабыню. – Конечно, господин, всё сделала – спинку намазала, как ты велел. Видно, не в этом дело. Намыкалась она, бедняжка, такое даром не проходит. Лишь бы это не какая-то страшная зараза была. А так... выходим! Ты вот что, выйди-ка отсюда! Я ей сейчас на спину повязку сделаю, уксусом от жара оботру, настоем на травах напою. К утру снова будет птичкой порхать. Ступай, господин Шункар!

– Может... лучше лекаря привести? – мялся у порога Сокол, не решаясь уйти, хоть старая служанка уже подталкивала в спину. – Вдруг хворь тяжелая...

– Ох, не знаю, господин, – Зофия угрюмо покосилась на больную. – Как бы хуже не сделать! Лекари-то все мужчины.

Боюсь, она даже сейчас к себе чужого мужчину не подпустит. Не знаю, что ей, бедной, на долю выпало, но лучше бы её не пугать ещё больше... Давай уж я сама болезнь отогнать попробую! Если до утра легче не станет... так и быть, лекаря позовём. Я тоже выхаживать умею, ты не бойся! Ступай к себе, отдыхай!

Отдыхай... Легко сказать!

Шункар весь вечер маялся, словно по углям горящим ходил.

К себе так и не ушёл. То под дверь у Алии сидел, то под окном. Слушал, как она стонет, как Зофия бормочет, утешая и баюкая бедную девочку. Тоскливым взглядом провожал старушку каждый раз, когда она туда-сюда с всякими кувшинами да тазами бегала.

Время от времени заглядывал в комнату:

– Ну, что, Зофия? Что?

– Пока всё по-прежнему, господин. Ступай спать! Тебе на службу завтра... – устало ворчала Зофия, сама едва держась на ногах.

«Ступай спать!»

Шункару хотелось в ответ зарычать и обругать добрую женщину, но он лишь сжимал кулаки, стискивал зубы и выходил из комнаты. Тысячу раз уже пожалел, что не привёл сразу лекаря. А теперь уже ночь глухая...

Твердо решил, что пойдёт за ним, едва рассветёт.

Но что, если Алия не дожждётся рассвета?

От этой мысли Шункару делалось так скверно, что казалось, у самого сейчас душа с телом расстанется.

В очередной раз заглянув в комнату больной, Сокол обнаружил, что Зофия сдалась и задремала сидя, привалившись к стене. Бедная старушка совсем выбилась из сил.

Шункар тронул её за плечо, женщина спросонок удивлённо заморгала, оглядываясь по сторонам.

– Зофия, ступай, поспи хоть немного! Я тут останусь. Ступай!

– Но... как же... – попыталась заартачиться та. – Неловко это, господин... Чтобы хозяин рабыню выхаживал... Да и ведь вы мужчина, а она вон голышом...

– Зофия, брось эти глупости! Скажи лучше, что делать надо! – Шункар отступать не собирался.

Служанка поколебалась ещё несколько мгновений, но усталость взяла своё.

– Жар уже спал, теперь полегче будет, – начала объяснять она. – Если снова гореть начнёт, вот этой водицей обтирать. Особенно, грудь, лицо и руки. Настой из пиалы ещё хотя бы пару раз за ночь надо дать. Повязку со спины, как высохнет, здесь намочить и обратно наложить. Если хуже станет, зовите меня сразу, господин!

– Не станет, Зофия, не переживай! Иди, поспи! – обнял её за плечи Шункар. – Я самого хана охраняю, неужто одну маленькую пташку от шулмусов[1] не уберегу? Ступай!

Зофия наконец ушла, тяжело вздыхая и зевая.

А Шункар, помедлив, присел на край постели, коснулся бледного лба Алии, отметив, что теперь её кожа уже не так сильно пылала. Сейчас она казалась такой трогательной и беззащитной, ничего не осталось от дерзкой колючки.

Шункар взял в свои ладони её безвольную руку, склонившись ниже, зашептал, поглаживая тонкие, бледные пальчики:

– Я с тобой, Пташка. Ничего не бойся! Я с тобой. Я же поклялся, что никому тебя не отдам... И Смерти тоже не отдам. Слышишь? Ни смерти, ни болезни, никому! Пусть хоть сам Эрлик-хан, хозяин Подземного мира, за тобой явится – всё равно не уступлю. Не сдавайся, Пташка моя! Ты жить должна... И ты будешь жить. Долго жить, счастливо. Обещаю!

[1] Злые духи из подземного мира, которые всячески вредят людям. Например, сбивают с пути, «водят» по степи. В том числе, они насылают болезни.

Время в эту ночь не просто текло медленно, казалось, оно вообще остановилось. Каждый миг превращался в вечность.

Шункар поглядывал на чёрный проём окна, тёмный и жуткий, как старый колодец, ждал, когда первые робкие лучи солнца заставят ночной мрак отступить... Но в небе было так же темно, как у него на сердце.

Однако в окно он смотрел лишь изредка, зато не спускал глаз с беспокойно спящей Алии. Она уже не горела так сильно, но всё ещё дышала хрипло и тяжело, временами стонала и металась. Бледное лицо казалось бескровным, неживым.

Шункар старался не выпускать её ладонь из своей, будто, в самом деле, мог удержать так не только её тело, но и её душу здесь, в мире живых.

Сейчас её руки были ледяными, в то время как тело продолжало полыхать жаром. Время от времени он, склонившись, целовал её тонкие пальцы, касался, едва-едва, словно хотел согреть их своим дыханием.

Не забыв наставления Зофии, Сокол попытался напоить Пташку травяным отваром, источавшим густой пряный запах.

Это было не так-то просто сделать. Алия всё это время находилась на грани забытья. Пришлось немного приоткрыть ей рот, и вливать зелье по глотку.

Теперь перед Шункаром встала задача ещё труднее. Нужно было посмотреть, что у бедной девочки со спиной, наложить ей новую повязку.

На первый взгляд, какие тут могут быть сложности? Она лёгкая, как пушинка – поверни на бок, развяжи бинты, замени повязку.

И просто не смотри на всё остальное!

Вот только Шункар, даже ещё не видя, что скрывается под тонким покрывалом, которым Зофия накрыла нагую рабыню, уже слишком ярко представлял себе эту картину. Он видел голые белые плечи, тонкие руки, манящие изгибы, проступавшие под лёгкой тканью, брошенное рядом мешковатое платье, и понимал, что сейчас на Алие нет вовсе ничего. Зофия, пытаясь сбить жар, раздела девицу и обтирала влажной тряпицей.

И думать нужно было в первую очередь об этом – о том, что неплохо бы взять кусочек ткани, намочить вон в том тазу, откинуть покрывало...

Шункар потряс головой и облизнул губы.

Даже сейчас, в эти тревожные и страшные часы, он не мог не замечать её красоты, которую не смогла испортить даже болезнь. Взгляд так и тянулся к вздымавшимся под покрывалом острым холмикам, и мысленно Сокол уже видел всё, что упрямо прятала от него бессердечная ткань.

И сейчас ему хотелось самому себе врезать хорошенько по лицу за все эти неуместные мысли и желания.

– Ладно! Сколько можно тянуть, Шункар! – вслух укорил он себя.

Решительно поднялся, склонился над спящей, осторожно взял за плечи... Почудилось, что кончики пальцев колют раскалённые иголки.

Шункар бережно повернул девицу на левый бок.

Алия глухо застонала.

– Тише, Пташка, потерпи! Так надо. Мне, знаешь, тоже сейчас несладко... Ты не женщина, а какая-то бесконечная пытка...

Покрывало, сползшее вниз, приоткрыло его взору не только бинты на плечах и лопатках, но и гладкую спину, острые позвонки, проступавшие сквозь белый шёлк кожи, а ниже...

Шумно выдохнув, Шункар резко дёрнул проклятую ткань, пряча от собственных глаз всё то, отчего мгновенно закипела кровь.

Как же ему хотелось иметь право смотреть на неё! Не украдкой, а любоваться без всякого стыда и уколов совести этим юным, волшебным телом. Знать, что и ей приятен и дорог его восхищённый взгляд.

Если однажды такое случится, наверное, Шункар станет самым счастливым человеком на свете.

Сокол усмехнулся собственным горьким мыслям и ещё раз тяжело вздохнул.

Пора заняться делом. И выбросить из головы эти глупости.

Шункар осторожно развязал бинты, которыми Зофия закрепила большой кусок ткани, покрывавший всю верхнюю часть спины, медленно убрал саму повязку.

Алия жалобно застонала, а он втянул воздух сквозь стиснутые зубы, разглядывая чуть побледневшие, но всё ещё чёткие багровые рубцы на светлой коже. Шесть жутких отметин, как следы от хищных когтей.

Сейчас Шункару так хотелось вернуться на рынок, найти того торговца и выбить ему все его кривые зубы.

Смочив кусочек ткани в травяном отваре, Сокол мягко прошёлся по всем ранам на спине Алии, стирая остатки мази и сукровицу. Она снова застонала, задрожала мелко.

– Потерпи, Пташка! Сейчас, ещё мазь, и всё. Сразу станет легче, – Шункар не удержался: погладил её ладонью по спинке, там, где не было шрамов. – Я знаю, что говорю. В прошлом году на хана напали, мы едва отбились. Мне тогда так бок располосовали... Жуть! И ничего, всё срослось. А всё эта мазь! Зофия травы хорошо знает. И тебя научит... А я тебе буду байки рассказывать про свою кочевую жизнь. Если захочешь...

Приговаривая так, Шункар обильно смазал раны целебным снадобьем, накрыл чистым отрезом ткани, смоченным в очередной настойке Зофии. Уже поверх положил сухую плотную тряпицу, закрепил бинтами, чтобы не свалилась, даже если Алия, снова начнёт метаться.

– Ну, вот и всё! – выдохнул он облегчённо.

Накинул покрывало на дрожащую Пташку. Но тут она заёрзала, перекатилась на спину и тихонько всхлипнула. Дрогнули тонкие черты лица.

– Эй, эй, тише, глупая! Что ж ты делаешь? Больно же так лежать... Давай-ка вот на бочок лучше! – он осторожно уложил её теперь уже на левую сторону, так что лицом Алия оказалась к Соколу.

Она высвободила руку из складок покрывала, а вместе с ней и почти всю грудь. Шункар смотрел на манящий бугорок, напоминавший половинку сладкого персика, не в силах двинуться с места.

В конце концов, он поправил покрывало, спрятав упругие прелести Алии, но ещё не успел убрать руку, как в неё вцепились её холодные пальчики. Вроде и сил у больной не было, но сейчас держалась крепко, словно тонула, а он был её последним спасением.

– Так страшно, так страшно... – пролепетала она в бреду, цепляясь за него. – Помоги!

Шункар растерянно замер на мгновение, а потом, повинаясь порыву души, осторожно прилёг рядом на самый край постели, ещё более осторожно привлёк её к себе.

– Не бойся! Никто тебя больше не обидит, – успокоил он, поглаживая её по щеке и волосам.

Шункар укутал её покрывалом. Так было проще, прежде всего ему. Пусть всё равно дыхание сбивалось от её близости, но всё-таки было проще. Ведь терпеть обжигающие

прикосновения к её обнажённой коже, и вовсе становилось невыносимым.

Сейчас лишь голова и рука Алии оставались свободными – она по-прежнему держалась за него, словно боялась, что уйдёт.

– Ты мне снишься? – дрогнули тёмные ресницы, Алиа чуть приоткрыла глаза, но, видно, так и не поняла, кто с ней рядом, улыбнулась.

– Да, – усмехнулся он, – вроде того...

– И что ты здесь делаешь? – тихонько пробормотала она, снова закрывая глаза.

Уткнулась в него лицом, прижалась к груди и, наконец, перестала дрожать, когда он бережно обнял её за спину, засопела сладко, как младенец.

– Сторожу твои сны, – шепнул Шункар в тёмные шёлковые пряди. – Пусть тебе снятся только светлые и сладкие, как ты сама! Спи, Пташка моя! Спи...

Мои дорогие, от всей души благодарю вас за то, что последовали дальше вместе с моими героями! Впереди ещё множество событий, приключений, ярких эмоций и, конечно, любовь, способная преодолеть любые преграды и соединить две судьбы.

Шункар всегда спал чутко. Да и как могло быть иначе с его образом жизни?

Враги не станут предупреждать о том, что собираются напасть, а значит, днём и ночью нужно быть начеку. Вот и приходилось зачастую дремать одним глазом, а другим по сторонам посматривать.

Но этой ночью он вовсе не сомкнул очей. Страшился уснуть и не уберечь Алию.

А ещё... боялся пропустить миг её пробуждения. Легко представить, что она решила бы, застав его в собственной постели.

Небо за окном наконец-то посветлело.

И вместе с ночной тьмой отступила странная хворь Пташки. Шункар по-прежнему держал её в своих объятиях и чувствовал, что дыхание Алии стало ровным и глубоким, ладони, лежавшие на его груди, потеплели, а вот дрожащее тело красавицы наконец-то перестало гореть.

Теперь она просто спала – мирно, спокойно, безмятежно. Конечно, бедняжка была истерзана болезнью и этой тяжёлой ночью, но всё-таки, даже не будучи лекарем, Шункар видел, что Алиа пошла на поправку.

Значит, пора ему исчезнуть...

Он своё дело сделал – отстоял Пташку у злых духов и Хана

Смерти.

Как же не хотелось выпускать её из своих рук – разомлевшую, сонную, нежную! Но ещё немного, и она проснётся. И что будет тогда?

Нельзя её снова пугать и смущать. Он уже невольно сделал это вчера, когда позвал её к себе без задней мысли, а она вообразила, что он собирается взять её в постель.

А вот теперь он действительно лежит с ней рядом, обнимает её, нагую и сонную... Если сейчас Алия проснётся, вряд ли она поверит, что он здесь из-за её болезни. Наверняка, она не помнит, как металась в горячке, как сама искала его помощи, как тянулась к нему. И ни за что не поверит, что он не воспользовался её беспомощностью.

Он бы и сам, наверное, в такое не поверил.

Шункар невесело усмехнулся. Впервые в жизни он провёл ночь в одной постели с неописуемо красивой женщиной, и даже не поцеловал её ни разу.

Да что там! Разглядеть, как следует, и то себе не позволил.

Вот только Алия в это не поверит точно.

Несколько мучительно-долгих мгновений он боролся с искушением поцеловать её – хотя бы слегка коснуться нежных губ, так маняще и бесхитростно приоткрытых сейчас во сне. Но Сокол опасался её разбудить даже этим лёгким касанием.

А ещё боялся, что, дорвавшись до запретного плода, остановиться уже не сможет. Нет, разумеется, он не посмел бы

вот так подло овладеть ею, но поцелуй вполне мог из лёгкого и невинного превратиться в самый настоящий. А это вряд ли придётся по душе пугливой Пташке.

В конце концов, Шункар заставил себя выбраться из постели. Уходить по-прежнему не хотелось, но лучше уж разбудить Зофию и передать служанке свою подопечную, а самому на глаза колючей девчонке не попадаться.

Он постоял у окна, оттягивая время. Утренний воздух был ещё свеж и прохладен, и немного взбодрил сонного, измотанного Сокола.

Пора...

Шункар уже готов был сделать шаг к двери, но приостановился, глядя напоследок на спящую рабыню, и тут она открыла глаза.

У Сокола сердце оборвалось, когда Алия обожгла его синим пламенем своего взора.

Несколько мгновений они растерянно смотрели друг на друга, потом она дёрнулась испуганно – видимо, сообразила, что он в её комнате, а она...

Алия испуганно прижала покрывало к груди, затравленно оглядывая себя, кровать и самого Шункара.

– Очнулась наконец-то! – не сдержал своей радости Сокол. – Как ты?

Она ответить не спешила. Скорее, наоборот, жаждала услышать ответы от него. Испуганные глаза на бледном лице

были так красноречивы, что задавать вопросы вслух даже не требовалось. Грудь её взволнованно вздымалась, щеки залил стыдливый румянец. Как бы от этих тревог ей снова хуже не стало...

– Ты заболела вчера. Помнишь? – торопливо начал объяснять Шункар. Махнул рукой на зелья, кувшины и тазы, что стояли у постели. – Горячка началась. Зофия всю ночь не спала, выхаживала. Я тоже... – Шункар смущённо запнулся, – волновался за тебя. Она вот только недавно пошла подремать немного. А мне поручила приглядеть за тобой...

Он умолк на полуслове, не зная, чего ждать – очередных дерзостей, обвинений, слёз...

Но Алия молчала. Взгляд, всё ещё растерянный и испуганный, скользил по комнате, подмечая детали. И страх медленно отступал.

Шункар, видел это по тому, как менялось её лицо, направлялись плечи, выравнивалось дыхание.

Кажется, Алия ему поверила. Или просто вспомнила вчерашний вечер, бормотание Зофии и её отвары.

Но тут же она снова напряглась, стиснув почти белыми пальцами край покрывала, потянулась взглядом к брошенному в стороне платюю.

– Хочешь одеться? – мгновенно сообразил Шункар.

Она молча кивнула, не поднимая на него глаз.

И он тотчас подхватил и подал её одежду.

– Вот, держи! Я отвернусь.

Шункар отошёл к окну, запретив себе даже думать о том, что сейчас происходит за его спиной. Но тихие шорохи всё равно будоражили воображение.

– Всё, – хрипло шепнула Алия.

Он повернулся, наткнулся на прямой небесно-синий взгляд и смутился как мальчишка.

Принялся зачем-то сбивчиво объяснять:

– Платье Зофия сняла. У тебя жар был, она холодной водой обтирала... Но сейчас уже жара нет, так что... можно одеться, – он осмелился посмотреть ей в глаза и тихо добавил: – Я тебя не разглядывал, не думай! Только спину перебинтовал один раз...

Да что ж такое с ним сделала эта девчонка?! Никогда ещё себя таким глупцом не чувствовал!

Она удивлённо уставилась на него, чуть повела плечом, будто проверяя, на месте ли повязка, и всё так же тихо сказала:

– Благодарю... господин!

– Шункар... Зови Шункар! Не надо... вот этого! – тихо поправил он и отвёл в сторону взгляд. – Ты скажи лучше, как себя чувствуешь? Что-нибудь болит? Может, хочешь чего-то?

Она неловко пожала плечами:

– Попить... Можно?

– Да, да... Держи!

Он метнулся к ней, протянул пиалу с отваром, пальцы на

миг соприкоснулись, и Шункара будто огнём опалило, только изнутри. Он смотрел, как она жадно глотала травяной отвар Зофии, как облизывала пересохшие губы...

Нужно было что-то сказать, спросить.

– Так... Как ты? – напомнил Шункар свой вопрос.

– Хорошо, – прислушавшись к себе, смущённо ответила Алия. – Только... в глазах всё плывёт.

– Ну... ничего... это пройдет, – успокоил он. – Думаю, пройдёт. Я сейчас Зофию позову. Она тебя мигом на ноги поставит. Но ты... ты береги себя! Зря не вставай, отсыпайся, отдыхай и... поешь хорошенько! Ладно? А я... Мне на службу пора идти. Вечером лекаря приведу. Пусть тебя посмотрит.

– Лекаря? – успокоившаяся было Алия снова испуганно сжалась, обхватив себя руками. – Не надо лекаря! Зачем? Мне уже не так плохо...

– А вдруг опять расхвораетесь? Вдруг совсем сляжешь? – развёл руками Шункар. Этой ночью он не раз пожалел, что послушал Зофию и сразу не пошёл за помощью. – Нет уж! Мне и так хватило! Думал, до утра не доживешь...

Он ждал, что сейчас она привычно взбрыкнёт в ответ, кольнёт очередной дерзостью, вроде: «Ну, ещё бы! Двести дирхемов жалко?»

Но Алия вдруг, опустив голову, жалобно попросила:

– Не надо лекаря! Пожалуйста! Я их боюсь...

Шункар тяжело вздохнул, постоял немного, молча глядя

на понурюю девицу. Ну, вот как ей отказать?

– Ладно, за лекарем не пойду, – пообещал он. И, усмехнувшись, приказал шутливо: – Но тогда давай уж сама, без лекаря, поправляйся! Чтобы вечером своими ножками вышла меня у порога встречать!

Однако Алия шутку не поняла, нахмурилась, удивлённо вскинула брови.

– А это всегда *так* нужно? Каждый вечер мне *выходить* тебя *встречать*? – угрюмо уточнила она.

– Нет, не нужно! – сердито буркнул в ответ Шункар. – Я же тебя не заставляю. Не хочешь – не встречай!

Он в сердцах хотел выйти прочь поскорее, но на пороге совершил ошибку – взглянул на неё ещё раз. И злость развеялась, как дым костра над степью.

– Просто... – он улыбнулся грустно, – мне было бы приятно видеть тебя, возвращаясь домой. Ну... пора! А ты выздоравливай, Алия! Выздоровлявай!

И уже перешагивая порог, Сокол услышал тихое:

– Спасибо тебе... Шункар...

– Шункар, ты не захворал? Что-то ты нынче особенно хмур и мрачен, друг мой... – от внимательных глаз хана Темирана ничего невозможно было утаить.

– Всё хорошо, мой господин, – с лёгким благодарным поклоном ответил Сокол. – Всего лишь не выспался.

– И кто же тебе помешал? – хмыкнул лукаво Господин Степей.

– Кто может помешать выспаться мужчине? – в тон ему усмехнулся Шункар. – Конечно, женщина, мой хан.

– Шункар, Шункар... – Темиран негромко рассмеялся, покачивая тёмной головой. – Тогда за тебя можно только порадоваться! Красивая женщина в постели – это лучшая причина для бессонницы. Я даже завидую немного...

Сокол, улыбнувшись, только согласно кивнул. Не объяснять же хану, что, на самом деле, завидовать совершенно нечему.

Во-первых, сам он наверняка ночевал не один. Наложниц у Темирана хватало, и красотой своей они вполне могли затмить луну и солнце.

А во-вторых...

Да, женщина была. Ослепительная, манящая, прекрасная...

И он даже провёл большую часть ночи в её постели. Да

только пока мог лишь мечтать о том, что когда-нибудь эта колючая и нежная Пташка позволит к себе прикоснуться.

Хан подошёл к окну, задумчиво глядя вдаль. Солнце ещё не поднялось высоко над столицей, и ставни, обычно прикрытые днём, сейчас не мешали ему смотреть на город.

– Мой отец говорил, у мужчины в сердце может жить лишь одна любовь – война. Доблесть, честь и славные победы над врагом делают нас мужчинами. Мы живы, пока мы сражаемся! – Темиран обернулся и снова усмехнулся. – А я вот думаю, друг мой, что мы живы, пока способны замечать красоту женщины, которая одаривает нас своими ласками, пока сердце наше замирает при виде цветущей степи, пока мы умеем смеяться и радоваться новому дню... А война...

Хан отошёл от окна, уселся и наконец развернул свиток – это послание принесли недавно, но хан не спешил его прочесть, лишь косился на письмо с неприязнью, как на ядовитую змею.

– Всё своё детство я провёл рядом с отцом в походах. Порой, думается, меня вскармливали не молоком, а кровью... И я занял его место, как только это потребовалось. Помнишь меня тогда? Тощий, несуразный юнец...

– Не такой уж тощий и несуразный... – Шункар очень старался сохранить серьёзное лицо, но уголки губ так и дёргались вверх. – Если сравнивать со мной...

Конечно, он помнил их первую встречу. И тогда грозный Господин Степей действительно выглядел совсем иначе...

Это сейчас он статный, широкоплечий батыр[1]. В самом расцвете лет. Смуглый, черноволосый, как ворон, с жёсткими чертами, будто высеченными из камня, но столь совершенными, что женщины, осмелившиеся взглянуть ему в лицо, замирали восхищённо, словно их опутали чарами. Это сейчас от одного только гневного взгляда хана, тёмного, как безлунная ночь над степью, провинившиеся слуги падали на колени и в слезах молили о пощаде.

А когда-то... да, когда-то они были детьми... Мальчишками, которым пришлось повзрослеть слишком рано. Иначе было не выжить.

Словно читая его мысли, хан рассмеялся коротко и продолжил, улыбаясь:

– Точно! Вот кто был по-настоящему тощим и несуразным... Никогда не забуду нашу встречу. Ты был похож на чумазого лягушонка! Только кусался как волчонок... Таких наглых щенков я отродясь не видел!

Улыбка исчезла с лица хана, превратившись в горькую усмешку.

– Наверное, поэтому ты и остался жив. Тебя спасла твоя наглость и злость. Знаешь, почему я пожалел тебя тогда?

Шункар выжидающе смотрел на хана – Темиран редко пускался в такие откровения, Господина Степей что-то сегодня тревожило, угнетало, и он пытался отогнать эти тяжёлые думы за разговорами со старым другом. Пусть Шункар и был всего лишь слугой. В конце концов, они многое про-

шли вместе.

– Ты был таким же... как я... – негромко продолжил Темиран. – Два маленьких, жалких, дерзких щенка... которых бросили в яму со змеями... Вот на кого мы были тогда похожи. Пусть я сидел в седле, а ты валялся у моих ног, мы были с тобой заодно. Все жаждали увидеть, как быстро мы содохнем, а мы... просто хотели выжить. Я тогда загадал, что если ты выкарабкаешься, дотянешь до Анкачи, не умрёшь дорогой, я... тоже выживу, и победа будет за мной. Я продолжу дело отца и соберу своё ханство из кусков, на которые его растерзали.

Шункар молчал, смотрел изумлённо.

– Вот так... – хан снова усмехнулся весело. – Благодарю, Сокол мой, что остался жив и расправил свои крылья! Я, как видишь, тоже свой зарок исполнил. Почти... Осталось совсем немного, и я положу конец этой войне. И мир воцарится в Неукротимой Степи.

– Да поможет тебе в этом Отец-Небо, мой хан! – поддержал эту долгую речь Шункар.

– Боюсь, друг мой, нам снова придётся справляться своими силами, не уповая на богов.

Хан наконец погрузился в чтение послания, что давно держал в руках. А Шункар глядел в окно, как Темиран, совсем недавно. Взгляд его скользил по белёсым и желтоватым крышам, тянулся в ту сторону, где находился его собственный дом. И мысли летели следом.

«Как она там?»

День ещё только начинался, а уже казался бесконечным. Стены дворца душили и давили. Хотелось домой...

– Вот скажи мне, друг, как заключить мир с тем, кто мира не желает? – снова заговорил хан, отбросив небрежно письмо, которое держал в руках.

Шункар пожал плечами.

– Дать ему что-то другое... То, что он хочет.

Темиран усмехнулся, довольный ответом.

– А если он хочет мою жизнь? Как быть тогда?

– Никак хан Атмаджа посланием порадовал? – сразу сообразил Шункар.

Теперь понятно, почему Темиран так долго за письмо не брался – кому хочется читать, что написал заклятый враг.

– Да... Снова нашёл повод отказаться от моего приглашения, – хмуро бросил хан. – Трусливый шакал... Всё за свою шкуру переживает. Как будто я не чту законы гостеприимства. Видно, по себе судит. Пишет, что на переговоры пришлёт своего верного советника... Встречать ты поедешь!

– Кого? – Шункар вздрогнул и подался вперёд.

– Уймись! – остудил его пыл Темиран. – Если бы это был *тот* верный советник, я бы тебя никуда не отправлял. Ещё бы для верности под замок посадил. Чтоб глупостей не наделал.

– Господин! – укоризненно покачал головой Шункар. – Я умею держать себя в руках.

– Знаю. Но я тебе не враг, чтобы так на прочность испытывать, – вздохнул хан. – Некий бай Илкер придет... Я про него слышал не так уж много, а хорошего ещё меньше. Боюсь, едет он не мир заключать, а очередную свару заварить. Хочу, чтобы ты дорогой к нему пригляделся. Да смотри осторожно с ним, веди себя учтиво. Если у него цель войну развязать снова, так пусть хотя бы повод будет не с нашей стороны. Явится этот Илкер примерно через одну луну. Будь готов!

– Да, мой господин, – покорно кивнул Шункар, но думал он сейчас не о хитром хане Атмадже, коварном Илкере или ответственном поручении хана, а о том, что через луну ему придётся уехать из Анкачи, и дней десять, а то и целую дюжину, он не сможет видеть Алию.

[1] Богатырь, силач, герой

Алия никак не шла из головы.

Весь день Шункар ловил себя на тревожных мыслях о си-неглазой Пташке. Он, конечно, надеялся, что худшее позади, что вечером она выйдет его встречать – здоровая, цветущая и... такая же колючая, как обычно. А может быть... даже не такая...

Вдруг эта ночь изменила что-то? Вдруг она поняла, что рядом с Шункаром бояться нечего?

Как же ему хотелось, чтобы она перестала видеть в нём врага!

По большому счёту Шункару было всё равно, что думают о нём другие. Конечно, были те, чьё мнение он уважал и ценил, в чьих глазах старался выглядеть достойно – друг Рашад, и его семья, хан Темиран, ещё пара-тройка давних боевых соратников. Пожалуй, и всё.

Но эта девчонка, так случайно появившаяся в его жизни... С ней всё было совсем иначе. Почему-то каждое её острое слово ранило в самое сердце. Каждый испуганный или гневный взгляд прямо в душу вонзался.

Шункар неистово хотел, чтобы Алия не просто смирилась и стерпелась со своей участью, а доверилась ему. Сам не знал, зачем, но не мог иначе, всё время только о ней и думал..

Ему было необходимо, как воздух, чтобы она перестала

вздрагивать от звука его шагов, перестала ждать всё время подлости, перестала искать подвоха в словах. Ему так хотелось, чтобы она не отшатывалась испуганно от его руки, словно дикий зверь.

А ещё до безумия хотелось узнать вкус её губ, ощутить тёплые прикосновения нежных узких ладоней. И от этого навязчивого желания всё тело ломило до мучительного стона, а душу скручивало в узел, хоть волком вой.

А ведь это только один день под общей крышей минул...

Как же он будет жить с ней рядом?

Без права быть с ней, без права прикоснуться. Зная, что она презирает его и мечтает сбежать.

И за что только судьба так над ним посмеялась?

В Анкачи хватало женщин, готовых разделить с Шункаром и ложе, и жизнь. А ему вдруг вздумалось приручать дикую Пташку, что мечтала лишь о свободе и далёкой родине и жаждала упорхнуть из его рук.

Эти мрачные мысли истерзали всю душу, но, когда солнце склонилось к горизонту, и наконец-то пришло время отправляться домой, Шункар буквально на крыльях полетел, предчувствуя скорую встречу.

Правда, волнение стало ещё сильнее. Дурные опасения нет-нет да и пробирались в сердце: вдруг он сейчас придёт домой, а Зофия скажет, что бедной девочке стало ещё хуже. Или вовсе...

Шункар отмахивался от этих мыслей, как от докучливых

мух, но они так и зудели настырно.

Он подумал и о том, что, наверное, всё-таки стоит зайти к лекарю и пригласить.

Но тотчас в памяти всплыли молящие синие глаза...

Ладно, обойдутся без лекаря. Он ведь пообещал...

Однако так хотелось сделать для Алии хоть что-то приятное, порадовать её, чтобы скорее шла на поправку.

Поразмыслив, Шункар решил сделать небольшой крюк и зайти в лавку торговца Яфара. Он, конечно, очень спешил домой, но это много времени не займёт, и точно того стоит. Господин Яфар был выходцем из далёкой заморской страны, в Степи жил уже давно и имел солидный доход со своей лавки.

Всё дело было в том, что этот хитрец владел секретом изготовления удивительных южных сладостей, которые он называл лукум. Разноцветные кубики пахли фруктами и розами, украшались орешками и имели изысканный вкус.

Многие, глядя на успех Яфара, пытались приготовить подобное, но куда там!

Стоило такое удовольствие дорого. Но знать в Анкачи не скупилась на южные лакомства. Попотчевать гостей таким необычным блюдом каждый бай считал за честь.

Даже хан нередко закупал эти вкусности для своего гарема – его красавицы обожали сладости Яфара. Собственно, от хана Темирана Сокол про лукум и узнал, даже попробовал однажды.

И вот сейчас вспомнил так удачно...

Улыбчивый, круглолицый и пузатый хозяин лавки всегда сам обслуживал покупателей. Он быстро собрал в небольшую плетёную корзинку несколько разных на вид лакомств, сказав, что выбрал самое вкусное.

Сокол расплатился и, довольный собой, поспешил наконец домой.

На пороге Шункар приостановился. Вслушался в уютную тишину дома. Его окутала приятная прохлада, и усталость долгого дня сразу отступила.

Торопливые шаркающие шаги приближались...

Он уже знал, что это идёт Зофия, но всё-таки ещё надеялся увидеть с ней рядом и Алию. Поступь синеглазой Пташки была так легка, что он мог попросту не различить её...

Он понимал, что скорее всего больная девица ещё не вставала с постели из-за слабости, но в сердце теплилась глупая и робкая надежда на чудо – а вдруг...

Вдруг она выйдет к нему сейчас, как он и просил утром, просил, вроде бы, в шутку, но втайне надеясь, что Алиа поймёт, как сильно ему этого хотелось.

Но она не вышла.

Встретила его по давней традиции лишь добрая старая Зофия. И Шункар, с трудом поборол болезненный укол горького, как сок полыни, разочарования.

Впрочем, тут же на смену обиде пришёл страх – полыхнул

жарко, обжёг всё внутри.

– Как Алиа? Хуже не стало? – не удержал он своих тревог.

– Нет, господин, всё хорошо! – радостно улыбаясь, успокоила Зофия. – Уже порхает как бабочка. Я на неё ворчу, чтоб лежала, но разве эта непоседа старуху станет слушать. Даже на кухне мне сегодня помогала... Вот только недавно к себе ушла.

– Вот и славно! Добрые вести, – кивнул Шункар. – Благодарю!

И даже улыбнуться сумел.

Новости, в самом деле, порадовали. Сокол был счастлив услышать, что недуг отступил, и Алиа больше не страдала, как этой ночью.

И всё-таки к радости неумолимо примешалась ядовитая горечь...

Не захотела выйти.

Могла, но не пожелала. Не хочет даже видеть его лишний раз.

И эта ночь не изменила ничего. А он-то, дурак, надеялся, ждал...

– Вот... Отдай ей! – Шункар со вздохом протянул корзинку служанке. – Ну и... сама угостись! Это сладости... Вкусно...

Зофия, протянувшая было руку, посмотрела как-то странно и отдёргнула её, будто он не лакомство, а скорпиона ей протягивал.

– Куда мне старой сладкое, зубы потом заноят... – про-
бормотала она, не поднимая глаз. – Да ты, господин, лучше
сам отдай! За ужином. Я сейчас Алию на кухню позову, она
тоже ещё не ела...

Хитрость женщины Шункар сразу разгадал, но ничего не
возразил.

Зофия прекрасно поняла, что это подарок, и подарок до-
рогой. И что Шункар принёс его именно для Алии, тоже по-
няла. Наверное, только одного в толк взять не могла, отче-
го он вдруг заупрямился и решил свою заботу спрятать за
небрежностью и безразличием.

Однако хитрая старушка такого допустить не могла. Вот
и решила собрать их всех за одним столом.

Да только пойдёт ли Алия? С врагами трапезу не делят.
Вообще-то со слугами и рабами тоже.

В других домах всё было иначе. Господин не вкушал на
кухне за одним столом с кухаркой. Да и стол для женщин
накрывался отдельно от мужчин.

Но Шункар всеми традициями пренебрегал. Делал так,
как привык ещё в детстве.

Когда Зофия сидела с ним за одним столом, заботливо
подкладывала поближе лепешки и что-нибудь рассказывала
тихим, баюкающим голосом, казалось, что рядом снова ма-
ма, а он всё ещё босоногий озорной мальчишка, ничего не
знающий об этой жизни, а главное... ничего не знающий о
смерти и войне.

Он себя господином никогда не считал, и соседство старой веллы не находил зазорным.

А теперь... если повезёт, за их столом будет ещё и Алия. Если она придёт...

Он, конечно, мог бы приказать. Но ему ведь другое нужно. Чтобы она сама захотела, чтобы пришла по доброй воле...

Надежды на это было мало. Если уж даже поздороваться не вышла...

И всё-таки Шункар согласно кивнул Зофии и отправился умыться, прихватив и корзину с южными сладостями.

Вскоре он уже сидел на кухне, водрузив на стол свой подарок. От аппетитных ароматов в животе нетерпеливо урчало, но он этого даже не замечал.

Ждал. Ждал напряжённо... Будто не ужина, а суда или смертельного боя.

И вот послышались шаги, и в дверь вошла сначала старушка Зофия, а следом...

Она. Она пришла.

Сердце встрепенулось в груди, как птица в клетке, и неистово забилось о прутья рёбер.

Шункар на миг растерянно замялся, потом, сглотнув, просто сказал:

– Здравствуй, Алия!

– Здравствуй! – тихо откликнулась она, не поднимая глаз.

– Как ты? Зофия сказала, лучше...

– Благодарю, всё хорошо, – она так и не посмотрела на него, нерешительно толклась у порога, не осмеливаясь сесть за стол.

А его так и подмывало спросить язвительно: «Что ж тогда не вышла встретить?», но вместо этого Сокол только кивнул и повторил эхом за ней:

– Хорошо.

– Садись, садись, девочка! Чего стоишь? – старушка Зофия подтолкнула застывшую Алию, разрушив неловкую тишину, повисшую между ними.

– Я... потом... после... – оглянулась на неё девчонка и густо покраснела.

– Вот ещё! Мне что, десять раз на стол собирать? – не очень-то правдоподобно возмутилась старая велла.

– Зачем? Я могу... сама... я... – щёки Алиии пылали как нежные лепестки мака.

– Так, старших слушай! – строго велела обычно добрая старушка. – Сядь за стол и ешь!

Алия со вздохом заняла своё место, но не спешила притронуться к еде.

Да и у самого Шункара кусок теперь в горло не лез, хоть всё было вкусно, как обычно, и проголодался он к вечеру сильно. Но глупое смущение мешало, злило, отбивало аппетит напрочь.

Ладно ещё эта Пташка, но сам-то... Ведь уже не мальчишка, чтобы теряться от одного взгляда на красивую женщину.

Всё его внимание с еды переключилось на девчонку, о которой невольно думалось весь день. И ведь она наверняка чувствовала этот его взгляд. Шункар безуспешно пытался унять сердце, пустившееся вскачь, но ничего не выходило.

Алия, в самом деле, выглядела на порядок лучше. Конечно, по-прежнему сохранялась бледность лица, а тёмные тени под глазами подчёркивали эту болезненность ещё больше, и всё-таки было очевидно, что за её жизнь можно больше не опасаться.

Казалось бы, пора успокоиться и вздохнуть спокойно, но Шункару вдруг показалось, что в кухне ужасно душно и жарко, он даже ворот рубахи распустил.

Алия наконец подтянула к себе румяную лепешку и принялась отщипывать буквально по крошке. Сокол поймал себя на том, что завороженно смотрит на простые движения её тонких пальцев – вот она ловко отрывает кусочек хлеба, подносит к губам, слегка приоткрывает рот...

Ох, Отец-Небо, да что же это за наваждение?!

– Держи-ка! – желая отвлечься от неуместных за столом мыслей, Шункар торопливо протянул девчонке корзинку с лакомством.

Но Алия, растерянно хлопая тёмными длинными ресницами, взять не торопилась. Сокол и так совсем не мастак был дарить подарки, а теперь и вовсе растерялся, не зная, что сказать, как правильно вести себя.

– Возьми! Тебе принёс... – добавил он торопливо, решив, что Алия не поняла его странный жест.

– Что это? – Пташка мгновенно превратилась обратно в колючку, насупилась, сжалась. – Зачем?

– Южные сладости... Попробуй! – Шункар окончательно потерялся. Уже смутно понимая, что он несёт, спешно забормотал: – Вкусно... Правда. Меня как-то хан угощал. Его наложницы такие лакомства сильно любят, всё время выпрашивают. Ну... так говорят...

Ох, зря же он это сказал, зря!

Алия вскинула взгляд – синее пламя полыхнуло, как молния над степью в грозовую ночь.

– Наложницы хана, говоришь... За сласти платят страстью? – зло усмехнулась она. – Продались за угощения диковинные... Думаешь, и меня так прикормить? Не выйдет!

– Ничего я не думал! Больно надо! – Шункар со злостью грохнул корзину на стол. – Побаловать тебя, дикарку глупую, хотел! Чтобы поправлялась скорее...

– А вот этого не надо, хозяин! – сказала как отрезала.

Больно так, прямо кинжалом по душе проскребла. – Я тебе не жена, чтобы меня подарками баловать. И не госпожа – подношения принимать. Рабыням сладости не положены...

– В самом деле... Тебе же больше плетъ по душе! Да? – процедил в ответ Шункар. – Вот если бы я тебя бил и в ошейнике держал, как собаку, ты бы терпела да помалкивала. А так... Ишь, мерзавец какой, лакомство принёс! Не хочешь – не надо! Уговаривать не буду!

Сокол хотел в сердцах швырнуть несчастный подарок, ставший причиной раздора, в огонь, но очаг давно прогорел. И он только грубо отпихнул в сторону злополучную корзину.

– Зофия, сожги это, шайтану на радость! – Шункар вновь с вызовом уставился на полыхавшую злостью девчонку. – Ничего от меня больше не дождёшься... Ясно? К тебе, с добром, а ты... Не ведаешь ты, что такое благодарность!

– А ты от меня благодарности ждал? От меня, от дикарки глупой? – Алия фальшиво и зло рассмеялась. Глаза её заблестели лихорадочно, слёзы уже готовы брызнуть. – Благодарности от той, которую купил и держишь здесь, как в клетке? Да лучше бы ты мне вчера умереть спокойно дал! Ненавижу вас всех!

– Алия! Ты что такое говоришь?! Замолчите оба! – ахнула побледневшая Зофия, растерянно переводя взгляд с одного на другого. – Да что на вас нашло?!

Под взглядом старой веллы, полным горечи, они разом присмирели, будто расшалившиеся дети.

– Ох! Вот же... За стол ведь сели... Зачем эти ссоры? Ну? – Зофия тяжело вздохнула. – Господин порадовать тебя хотел, а ты, как собака злая, взяла да облаяла. Не стыдно? – сурово пожурила старушка. – И ты тоже хорош, хозяин! Благодарности Алия не ведаёт... Ты вон глянь, какой она пирог тебе испекла!

– Тётушка! – зло одёрнула Пташка. – Замолчи!

Но старушка продолжала, будто не слышала:

– Наш, велларский, с мясом, с зеленью... Едва на ногах стоит, а полдня возилась, для тебя старалась... А ты говоришь...

– Зофия! Ты... Зачем?! – Алия подскочила со своего места, стиснув кулачки, щеки её пылали, красивое лицо искажилось от обиды и гнева.

Шункар смотрел на неё ошеломлённо и безмолвно, а девочка, наткнувшись на его изумлённый взгляд, сорвалась, будто стрела с тетивы, и исчезла с кухни.

Тишина повисла такая, что было слышно, как угольки потрескивают в почти остывшем очаге.

– Это... правда? – Шункар кивком указал на пышный румяный пирог, красовавшийся в самом центре стола.

– А что же я, врать тебе буду? – Зофия поджала губы, вздохнула, но потом всё-таки улыбнулась. – Я же ей всё рассказала... Ну, она сама давай расспрашивать, что, мол, ночью было... Я и выложила, как она в горячке металась, как мы её лечили. Сперва я, а потом... Она, как узнала, что ты

всю ночь не спал из-за неё, голубки, так с лица сменилась. Долго молчала, размышляла. Видно, сперва и поверить не могла, что ты сам её выхаживал. А потом пришла ко мне, давай, мол, с ужином помогу – хоть мелочью такой за добро отплатить, за заботу. Я её обратно в комнату отправляла. А она упёрлась, и всё. Говорит, хочу в благодарность хозяйну пирог испечь. Как, мол, думаешь, понравится ему пирог велларский? Али забыл уже, какие они на вкус, пироги-то родные...

Шункар устало потёр лицо.

– Отрежь-ка! – перебил он рассказ Зофии.

– Что? – удивлённо переспросила старушка.

– Пирога отрежь!

Он молча смотрел, как кухарка молча режет хрустящую корочку... Выдернул прямо из-под ножа небольшой ещё горячий ломтик и забросил в рот.

– М-м-м... – блаженно промычал Шункар и, едва прожевав, велел: – Ещё отрежь! Два... два кусочка, и побольше...

Зофия, странно косясь на него, выполнила просьбу.

Шункар поднялся, схватил широкое блюдо со стола, положил на него аппетитные кусочки пирога, следом подцепил корзинку с треклятыми сладостями и, мимолётно поцеловав ошеломлённую Зофию в седую макушку, быстро вышел с кухни.

До комнаты Алии Сокол шёл смело, а вот у самой двери приостановился – выдохнул, переводя дух, прислушался к тишине по ту сторону. Почудилось, что слух уловил тихий всхлип.

Ох, как бы ещё хуже не сделать! Если она снова плачет, может, стоило бы выждать...

Но отзвуки тех злых слов, что они в гнев бросали друг другу, всё ещё звенели внутри, терзая сердце мучительно и больно. Шункар и сам не мог ждать, и уж тем более не хотел, чтобы Алиа ещё больше разбередила себе душу слезами. Она ведь только поправляться стала. Он уже корил себя, что не смог промолчать, ответил на её несправедливый укол.

Лишь бы не прогнала теперь, лишь бы дала хоть слово сказать...

– Алиа, – окликнул он несмело, – ты здесь?

Ответом стала тишина. Даже едва слышный плач стих.

– Я войду... – не то спросил, не то предупредил Шункар, всё ещё не решаясь.

Он уже собирался толкнуть дверь, но та внезапно распахнулась, и Алиа, появившаяся на пороге, ошеломлённо уставилась на блюдо в его руках. Потом подняла изумлённое лицо, встретившись с ним взглядом.

Похоже, действительно плакала. Глаза от слёз немного по-

краснели и стали ещё ярче. Она постаралась стереть следы, но он сразу разглядел мокрые иголки ресниц.

– Зачем спрашивать? Ты же в этом доме хозяин, – тихо промолвила она и отступила назад, давая ему дорогу.

Сейчас в её голосе не было вызова или злости, она лишь озвучила то, что было известно им обоим.

– Хозяин... – согласно кивнул Шункар, остановившись в паре шагов от неё. И добавил тихо, весомо и как-то... грустно: – Но, если хочешь, я уйду.

Несколько мгновений она смотрела ему прямо в глаза, будто хотела что-то сказать, спросить. И он, затаив дыхание, ждал, что сейчас действительно прогонит.

Но Алия, так ничего и не сказав, отвела взгляд и покачала головой.

Сразу даже дышать стало легче.

– Я только поблагодарить зашёл! – приободрившись, снова заговорил Шункар. Не удержался от улыбки, шагнул ближе. – Вкусно...

Она, зардевшись, смущённо отвернулась, присела на краешек постели.

А Сокол, внезапно даже для себя самого, оказался рядом. Где-то внутри шевельнулось предостережение, что он ведёт себя непозволительно – наедине с женщиной, в её комнате, сидит рядом с ней, на её постели, так близко... Пусть он провёл здесь полночи, причём, ещё более непозволительно, но ночью всё казалось правильным, единственно верным.

И сейчас Шункар тоже легко заставил умолкнуть глас совести. Ничего предосудительного он делать не собирался.

Сокол протянул Алие блюдо, на котором по-прежнему аппетитно благоухали два манящих кусочка пирога, и снова повторил:

– Вкусно! А ты сама даже не попробовала... Бери!

Она всё ещё колебалась, но уже была готова поддаться на его уговоры.

Потянулась было, но, бросив на Шункара быстрый взгляд, смущённо пожала плечами:

– Это же... тебе... пирог...

– И мне хватит. Не бойся! Наемся, – заверил Шункар, подцепляя второй кусочек. – Один – тебе, один – мне...

Только после того как он схватил свой ломтик, Алиа всё-таки решилась и откусила кусочек собственной стряпни. Принялась усердно жевать, довольно улыбаясь.

А Шункар взялся за свою долю, всем видом показывая, как ему нравится. Он не притворялся – пирог в самом деле был хорош. Пожалуй, стоило прихватить по два кусочка на каждого.

– Надо вернуться на кухню... – многозначительно намекнул Сокол, глядя на почти доевшую свою часть Алию. – Уж больно вкусно!

От очередной похвалы Пташка густо покраснела и опустила глаза, сосредоточившись на последних крохах пирога.

– Спасибо тебе! Порадовала душу... – добавил Шункар и

с грустным вздохом припомнил: – Мама такие пекла...

Он замолчал на полуслове, не заметив, как провалился в тёмный колодез воспоминаний, которые по прошествии стольких лет вовсе стали казаться лишь снами.

И лишь долгий пристальный взгляд Алии заставил Шункара вернуться обратно. Интересно, давно она так на него смотрит?

На несколько мгновений они застыли в этом безмолвном поединке взглядов. А потом одновременно произнесли:

– Прости за то, что я наговорил...

– Прости за то, что я наговорила...

Смутившись этого совпадения, взгляды метнулись в разные стороны.

– Ты всё верно сказал, – со вздохом признала Алиа. – Ты добр ко мне, а я... неблагодарная и злая. Да, к плети привыкаешь и уже иного не ждёшь...

– Знаю, – вздохнул Шункар. – Но... ты не злая, просто боишься... Прости, я зря вспылил, не хотел обидеть...

– Зачем? – она судорожно втянула воздух, словно пытаясь в очередной раз сдержать плач. – Зачем ты всё это делаешь? Зачем я тебе?

Он не хотел новых слёз.

Усмехнулся, протянул ей корзинку с лукумом, пожал плечами:

– Сладостями кормить... Зачем же ещё?

Она продолжала смотреть на него, будто силилась разга-

дать, что стоит за этими шутками.

– Возьми! Прошу... – Шункар настойчиво протягивал свой подарок, пока она не решилась его принять.

Едва корзинка оказалась в маленьких девичьих ладонях, как Алия, вытянув шею, попыталась заглянуть внутрь и рассмотреть всё содержимое. Вот же несносная девчонка! Ведь любопытство гложет, отведать хочется, а всё осторожничают.

– Алия... – тихо окликнул Шункар, поймал её взгляд и добавил серьёзно: – Я тебя не покупаю. От души подарил. Думал, обрадуешься, улыбнёшься... Ты так тепло улыбаешься! Но так редко.

Губы её дрогнули несмело, будто давно уже разучились делать то, о чём говорил Шункар. А потом робкая улыбка осветила и без того прекрасное лицо, и Алия засияла, как драгоценный камень в лучах солнца.

– Спасибо тебе!

От этой скромной тихой благодарности у Шункара крылья распахнулись, будто он, в самом деле, был соколом, парящем в небе.

– Попробуй! Ну же... – искушающе поторопил он Алию.

И она, наконец, опустила в корзинку ручку, выбирая самый соблазнительный кусочек.

Алия медлила, рассматривая нежный розовато-белый комочек лукума, будто уже одно только созерцание сладостей дарило ей наслаждение. А может, ей нравилось это предвкушение чуда, которое вот-вот произойдёт...

А Шункару нравилось смотреть на неё. Всегда нравилось, но сейчас особенно.

Когда она не фыркала, как рассерженная кошка, не прожигала гневным взглядом, не колола своими язвительными речами, не сжималась в испуге при его приближении, будто дикий зверь, она становилась ещё прекраснее.

Её красота завораживала, как зеркальная гладь озера, в которой отражается бездонная синь небес – хотелось нырнуть в эту чистую лазурь с головой, но и страшно было потревожить безмятежные воды.

Несколько мгновений Алия разглядывала диковинную сладость с таким наивным, почти детским любопытством, а потом наконец-то решилась откусить кусочек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.